

КУЙБЫШЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
имени В. В. КУЙБЫШЕВА

*

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ

ВЫПУСК 5

Проф. Я. А. РОТКОВИЧ

**ВЫДАЮЩАЯСЯ
СОВЕТСКАЯ МЕТОДИСТКА
М. А. РЫБНИКОВА**

г. КУЙБЫШЕВ — 1959

Куйбышевский государственный педагогический институт
имени В. В. Куйбышева

ВЫДАЮЩАЯСЯ
СОВЕТСКАЯ МЕТОДИСТКА
М. А. РЫБНИКОВА

г. КУЙБЫШЕВ — 1959

1

М. А. Рыбникова прошла сложный путь педагога и методиста. Вступив на учительское поприще еще до Великой Октябрьской социалистической революции, она на первых порах испытала на себе сильное влияние педагогической теории «свободного воспитания» и идеалистической эстетики. Но с самого начала своей деятельности М. А. Рыбникова проявила себя как исключительно одаренный педагог-практик, мастер педагогического дела, и ее тесная связь со школой, с учительской массой помогла ей успешно преодолевать свои ошибки и идти вперед в методическом творчестве.

Методический путь М. А. Рыбниковой при всей своей противоречивости вел ее к овладению высотами марксистско-ленинского литературоведения, к утверждению на позициях научной педагогики. Вместе со всей массой советского учительства, учась на опыте преподавателей-словесников и обучая их, Рыбникова шла к созданию советской методики преподавания литературы.

Для понимания всего богатства и многообразия методического наследия М. А. Рыбниковой необходимо изучить его в развитии, в постепенном совершенствовании. В таком плане мы и строим наш обзор трудов выдающегося методиста. Но наряду с этим важно понять взгляды М. А. Рыбниковой в их единстве и целостности, определить своеобразие ее методического стиля. Об этом мы также стремимся рассказать в настоящем очерке.

2

Мария Александровна Рыбникова родилась 8 февраля 1880 года в Рязанской губернии, на станции Александр-

ровка Рязано-Уральской железной дороги¹. Вследствие материальной необеспеченности семьи она большую часть своего детства прожила у родственников матери в небольшом купеческом имении Горбово, расположенном в Гжатском уезде Смоленской губернии. Привольная сельская жизнь, общение с крестьянами, близкое знакомство с деревенским трудом и бытом оказали глубокое влияние на формирование ее духовного склада и эстетических вкусов. Здесь, по-видимому, следует искать истоки ее страстной любви к природе, глубокого интереса к устному народному творчеству, к народной речи. С Горбовом связаны и первые попытки общественно-педагогической деятельности М. А. Рыбниковой. В летние месяцы, приезжая на каникулы, она ведет здесь регулярные учебные занятия с небольшой группой детей. По свидетельству ее старшего брата проф. Н. А. Рыбникова², это была своеобразная лесная школа. В 1905/1906 учебном году, когда Высшие женские курсы, на которых обучалась Рыбникова, были временно закрыты, она без разрешения местных властей открыла в соседней с Горбовом деревне школу для деревенских детей. «Предосудительная» деятельность московской курсистки чуть ли не окончилась ее арестом.

Своеобразную природу Смоленщины и патриархальный уклад старинной купеческой фамилии Щукиных, своих родственников, М. А. Рыбникова впоследствии запечатлела в обстоятельном очерке, посвященном истории этой семьи, — «Горбовской хронике»³.

Девяти лет М. А. Рыбникова была определена пансионеркой в московское Мариинское училище. Здесь вскоре проявляются ее выдающиеся способности, особенно по гуманитарным дисциплинам. Она пишет лучшие в классе сочинения по литературе, деятельно участвует в ученическом журнале, где помещает три автобиографические повести и несколько статей на общественно-педагогические темы. К этому же времени относится начало ее преподавательской работы: как способной ученице ей разрешают давать уроки младшим девочкам. Мариинское училище Рыбникова оканчивает в 1903 году одной из лучших учениц, с медалью.

После окончания училища М. А. Рыбникова в течение года учительствует в школе. Но эта работа мало удовлетворяет ее. Чувствуя свою неподготовленность к само-

стоятельной педагогической деятельности, она стремится продолжать образование в высшем учебном заведении. Осенью 1904 года мечта молодой учительницы осуществляется — она поступает на Московские высшие женские курсы.

Сбучение на историко-филологическом факультете Высших женских курсов пришлось по душе Рыбниковой. С особенным увлечением она работает в литературных семинариях у известных педагогов-филологов П. Н. Сакулина и А. Е. Грузинского. Так, по поводу своего доклада о Л. Н. Толстом, подготовленного в семинарии и прочитанного на торжественном заседании, посвященном 80-летию писателя, Рыбникова записывает в своем дневнике: «Сегодня день знаменательный: было чтение Толстого на курсах. Делала доклад и я. Выхожу на сцену, говорю, читаю, вижу бездну голов, устремленные на меня глаза Павла Никитича (Сакулина), седую гриву (А. Н.) Веселовского, слышу покашливание, хлопанье дверями... а меня ничто не волнует. Я ровно и спокойно веду реферат... Кончаю, аплодисменты, но я не уверена, что хорошо. Выхожу в залу — пожатия, благодарности, похвалы одних подруг, восхищенный отзыв других»⁴.

В 1909 году М. А. Рыбникова успешно заканчивает Высшие женские курсы. По всем предметам, кроме французского языка, в ее дипломе значится высший балл — «весьма удовлетворительно»⁵. Но за годы учения на курсах она приобрела не только хорошие знания по педагогике и филологии. Регулярная преподавательская деятельность, участие в педагогическом кружке, находившемся под влиянием идей Л. Н. Толстого о «свободном воспитании», насыщенная педагогическими исканиями домашняя атмосфера в семье Рыбниковых, работа в воскресных школах и детских учреждениях — все это стимулировало воспитательные интересы и умножало преподавательский опыт молодого педагога. Одно время М. А. Рыбникова увлекается идеей создания собственной школы. Но, убедившись в неосуществимости этого плана, она решает поехать на работу в Вяземскую гимназию. В своем дневнике она записывает: «Пять самых разнообразных курсов, с целым рядом грандиозных вопросов. Я подавлена количеством всего этого и пока безнадежнозираю на будущее. Вообще дела, дела — уйма». Но молодая учительница без страха идет навстречу трудностям.

Тепло встреченная преподавателями и ученицами, она через месяц после начала занятий заносит в свой дневник: «Я будто в Вязьме уже давно, давно. Так много пришлось видеть, слышать, столько впечатлений и волнений. Класса, детей я уже не боюсь, бодро и весело иду в класс. На меня смотрят как будто приветливо и доверчиво. Ходят смутные слухи, что я им понравилась. Хочется, конечно, завязать сношения поближе, нужен был бы кружок, нужны были бы вечера литературные. Но сейчас мне буквально некогда приниматься за это»⁶.

Впрочем, войдя в курс учебного дела, М. А. Рыбникова вскоре широко развертывает и внеклассные занятия с ученицами. В Вязьме, уже в первые годы учительства, определяются многие направления учебно-воспитательной работы, которым впоследствии методистка посвятит целые десятилетия творческого труда.

Большую известность получают в Вязьме организованные новой учительницей литературные собрания. Эти собрания охватывали учащихся VII и VIII классов обеих вяземских гимназий и проводились по свободному расписанию, в неофициальной обстановке. По словам самой руководительницы, «темы у нас объявлялись заранее, записывались докладчики, причем на одну тему не менее двух, чаще трех-четыре человек; доклады подавались дня за два до собрания, заранее намечался докладчик, лица, писавшие на ту же тему, знакомились с намеченной работой и приготавливались возражать»⁷. В каждом учебном году внеклассные занятия проводились по одному тематическому циклу: в 1913 году была взята тема «Выбор профессии»; в 1914 году все доклады были посвящены истории и культуре Бельгии — тогдашней союзнице России в мировой войне; в 1915 году общей была тема «Россия и русские».

Ученические собрания, организованные М. А. Рыбниковой, ознаменовались большим успехом, и не только в Вязьме. Добрая слава о них дошла до Москвы. Ученические кружки, посвященные изучению разных профессий, различных видов общественного труда, открываются в нескольких московских гимназиях. В Московском учительском доме организуется цикл чтений о выборе профессии с участием в качестве лекторов виднейших ученых и общественных деятелей. Лекции М. А. Рыбниковой о профессиях народной учительницы и учителя средней

школы вызывают широкий интерес среди слушателей. Вместе с другими чтениями этого цикла они публикуются в сборнике «На распутье», подготовленном М. А. Рыбниковой совместно с Н. А. Рыбниковым⁸.

Наиболее интересными были литературные собрания 1915 года, посвященные теме «Россия и русские». Доклады «Россия в современной поэзии», «Гоголь и Россия», «Мировое и национальное в поэзии Пушкина», «Письма Чаадаева», «Русская печать в поэзии Некрасова» раскрывали перед школьницами идею патриотизма как животворного начала, определившего развитие всей прогрессивной русской литературы.

М. А. Рыбникова уже в самом начале своей педагогической деятельности приняла от передовой методики XIX века и достойно продолжила традицию литературных бесед, введенную еще Н. Г. Чернышевским, В. И. Водовозовым, В. Я. Стоюниным⁹. Не случайно сообщение Рыбниковой на Первом Всероссийском съезде преподавателей русского языка (декабрь 1916—январь 1917 г.г.) об опыте проведения литературных собраний в Вязьме вызвало горячий интерес среди его участников¹⁰.

К Вяземскому периоду деятельности М. А. Рыбниковой относятся также ее первые опыты собирания и использования в педагогических целях устного народного творчества. В одной из своих ранних методических статей «Опыт школьной инсценировки народных игр, песен и обычаев» она интересно рассказала о собирании с помощью учащихся народных песен и применении их во внеклассной работе с детьми¹¹.

С начала работы в Вяземской гимназии М. А. Рыбникова уделяет большое внимание творческим сочинениям учащихся, в частности, сочинениям о природе, как важнейшему средству эстетического воспитания учащихся. Изучая отношение к природе школьников различного возраста, постепенное зарождение и развитие в детях эстетического чувства, Рыбникова стремится исподволь углублять с помощью творческих сочинений их наблюдательность, свежесть восприятия мира, «умение видеть и любоваться». Она отвергает традиционные «описания» пустынь и водопадов, эстетические штампы и выспренный «штиль» в школьных сочинениях. Она горячо пропагандирует экскурсии в природу, как путь к расширению познавательного опыта и углублению эстетической воспри-

имчивости школьника, изучение пейзажных стихов, использование живописи, углубляющее непосредственное восприятие природы и жизни. «...Пора пробуждения чувства природы, эстетического восприятия мира — это пора 12—13 лет,—пишет М. А. Рыбникова. — Если в эти годы, в третьем, четвертом, пятом классе, не помочь подростку в развитии его умения видеть и чувствовать, — результаты могут быть очень плачевные. 15—16-летние девушки могут обнаружить совершенную невосприимчивость, полную глухоту и слепоту — что может быть ужаснее и печальнее»¹².

Как ни много внимания уделяла М. А. Рыбникова в начальный период своей деятельности преподавательской работе в классе, в центре ее внимания все же находится внеклассная и внешкольная работа. Причины этого очевидны.

М. А. Рыбникова решительно отвергала порядки, царившие в дореволюционной средней школе. В одной из ранних своих работ — в брошюре «Кружки учащихся» — она писала: «Тяжко и нудно протекала и протекает в большинстве наших школ ученическая классная жизнь. Уроки скучны и неинтересны. Это ужасное зло, сводящее на нет всю нашу школу, продолжает еще существовать». С большим сочувствием она рассказывает о домах юности, внешкольных учреждениях, создававшихся в то время силами ученической самодеятельности во многих русских городах. «Домом юности должна быть каждая гимназия, каждая школа», — утверждает Рыбникова¹³. Вяземской гимназии она также стремилась придать характер своеобразного Дома юности с обширным планом внеклассных работ, находящихся в центре внимания всего школьного коллектива.

М. А. Рыбниковой был чужд не только казенный режим, господствовавший в большинстве гимназий, но и содержание преподаваемого в них учебного курса литературы. Она отвергла официальную министерскую программу с ее растянутым изложением литературной древности, догматические методы преподавания, учебники Сиповского и Садовника — эпигонов либерально-буржуазного литературоведения. По-видимому, имея в виду методологию этих педагогов, широко представленную на Первом Всероссийском съезде преподавателей русского языка в 1916—1917 годах, Рыбникова утверждала в сво-

ей статье «Учитель средней школы», что голос «человека в футляре» громко звучал даже на этом съезде¹⁴.

М. А. Рыбникова мечтала о создании новой школы, свободной от казенной дисциплины и мелочной регламентации, от догматики и заучивания прописей, от социологических схем и упрощенных историко-литературных построений. Она считала, что реформирование школы должно начаться с внеклассной работы, где имеется меньше вредных традиций, с тем, чтобы в дальнейшем постепенно можно было перенести методические достижения внеклассных занятий в классное преподавание.

Глашатаем такой перестройки школьного преподавания Рыбникова выступила сразу же после Октября.

3

Великая Октябрьская социалистическая революция была воспринята М. А. Рыбниковой с глубоким удовлетворением, как акт раскрепощения школы и учителя. С особым подъемом она воспринимает провозглашенный Советской властью принцип трудового обучения. Трудовая школа — это в ее представлении школа, освобожденная от казенного гнета, основанная на широкой самостоятельности и активности учащихся, раскрывающая неограниченные возможности для развития творческой инициативы учителей. «Русская педагогика с 1917 по текущий 1921 год переживала период неслыханного разрушения и увлекательного строительства», — писала она в одной из своих программных статей этого периода¹⁵. Разрушению неназистой схоластики, строительству новой прогрессивной школы она отдается со всей силой своего педагогического темперамента.

В 1918 году М. А. Рыбникова переводится в подмосковную Малаховскую опытно-показательную школу. Этим учебным заведением она интересовалась еще в годы учения на Высших женских курсах. Уже тогда она посетила эту широко популярную среди учительства школу, чтобы познакомиться с ее работой. Приехав в Малаховку после восьми лет работы в Вязьме, вооруженная большим опытом и яркими методическими идеями, Рыбникова вскоре становится душой талантливой педагогического коллектива школы. Во всех своих методических начинаниях она пользуется полной поддержкой

учителей, особенно преподавателей - словесников — К. П. Спасской, своей ближайшей подруги по Высшим женским курсам, С. А. Смирнова, В. И. Стражева¹⁶.

Обязанности М. А. Рыбниковой не ограничивались преподавательской работой. Она руководит школьным интернатом, отдавая этой работе много творческой энергии. В 1922—1923 годах она состоит также депутатом Малаховского поселкового Совета¹⁷.

Вместе с тем М. А. Рыбникова не ограничивает своей деятельности пределами Малаховки. Она часто бывает в Москве и Петрограде, выступает с докладами на учительских конференциях и съездах¹⁸, участвует в разработке учебной программы по литературе 1920 года, поддерживает тесную связь с издательствами, в которых в эти годы выходит ряд ее работ¹⁹. Ежегодно она отправляется с учащимися в образовательные экскурсии в Москву и Петроград, на Дон и в Поволжье, в Крым и на Кавказ. Учителя московских, да и провинциальных школ часто приезжают в Малаховку, чтобы познакомиться с новым спектаклем или выставкой, организованными талантливой учительницей, побывать у нее на уроке.

Однако в 1918—1923 годах, в период, когда марксизм еще только утверждался в литературной науке и почти не проник в школьное преподавание, методология М. А. Рыбниковой также была далека от марксизма. Увлечение идеями трудовой школы прихотливо сочетается в ее сознании с приверженностью к теории «свободного воспитания», к ненаучному, идеалистическому пониманию литературы и задач ее преподавания. По признанию методистки, «большой поддержкой и опорой» для нее служили в эти годы сочинения литературоведа-идеалиста М. О. Гершензона, в частности его методическая работа «Поэзия в школе», представленная им в 1919 году в Наркомпросе в качестве программы перестройки школьного преподавания литературы²⁰.

Гершензон придерживался крайних идеалистических взглядов на искусство. «Искусство порождено нетерпением человечества, — писал он в своей статье «Видение поэта». — Оно возникло из потребности видеть в о о ч и ю в явлениях действительности эмпирической — действие предельных законов, доступное пока еще только сверхчувственному восприятию». «Дело художника — выразить свое видение мира, и другой цели искусство не име-

ет». Поэтому попытки анализировать явления искусства, понять их рациональный смысл — бесплодны. «Художественная критика — не что иное, как искусство чтения, т. е. искусство видеть сквозь пленительность формы видение художника»²¹.

Исходя из такого понимания сущности литературы, Гершензон рекомендовал учителю-словеснику отказаться от анализа художественного произведения, который будто бы имеет дело «лишь с его трупом и преследует цели специальные и вовсе чуждые назначению поэзии». Искусство, утверждал он, выполняет свою роль только в том случае, если воспринимается целостно, интуитивно, без вмешательства учителя или критика. Поэтому Гершензон предлагал сделать посещение уроков необязательным, отменить испытания и учебники по словесности, отказаться от преподавания теории и истории литературы, от литературного анализа, заменив его «медленным чтением», т. е. чисто эмоциональным восприятием текста. Из программы наряду с летописями и «Домостроем» должны быть исключены Радищев и Белинский, как относящиеся «совсем к другой сфере духа»²².

Как ни нелепо на наш слух звучит эта теория, она пользовалась в начале 20-х годов некоторой популярностью среди учительства. Так, на Первом Всероссийском съезде преподавателей русского языка методистом П. П. Смирновым был прочитан доклад «Работа над художественным произведением», также основанный на принципах интуитивизма. Вместе с Гершензоном Смирнов настаивал на необходимости «интуитивного контакта с душой юноши и девушки», анализ произведения подменял «зчувствованием» в него посредством «медленного чтения», полностью отвергал связь литературы с общественной жизнью²³. Учитель-словесник А. Сиротинин, ссылаясь на французского философа-интуитивиста А. Бергсона, тогда же писал: «Дайте ученику вдохнуть в себя этот аромат, помогите ему искусным чтением постичь красоту звуков, силой почерпнутого из рассказа чувства заразите его, сердцем сердце его затроньте, — и он уловит тогда дыхание жизни, и крылья унесут его в ту область духа, где зачалось и родилось творение гения. Тут истина. Тут конечная цель преподавания»²⁴. Позднее, в 1923 году, М. Григорьев в статье «О литературном образовании», также опираясь на теории интуитивистов,

повторяет их излюбленные теории о значении «вчувствования», об «искусстве медленного чтения» и пр. Правда, рассуждения в духе Гершензона сочетаются у него с правильными мыслями о путях восприятия художественного произведения²⁵.

В этом же кругу идей развиваются и методические взгляды М. А. Рыбниковой. В статье «Построение курса литературы», открывающей книгу «Работа словесника в школе», она утверждает: «Цель преподавания — рост юной души на восприятиях гармонических и ярких». Для выполнения этой цели история литературы непригодна. «Юношеству нужны лишь «вечные спутники» человечества, изучение литературы вне времени, м о н у м е н т а л ь н о е». «Пусть идет рядом другой предмет — «История русской общественной мысли», — утверждает Рыбникова, ссылаясь на Гершензона, — но литература пусть и остается литературой, искусством, т. е. таким проявлением гения, когда он находит формы единственные и неповторимые и цветет и играет неподражаемыми тонами своей творческой индивидуальности». Впрочем, самый характер истории литературы она также понимает в значительной мере формалистически, как «эволюцию литературных форм в связи с ростом идей».

Содержание учебной программы, подчеркивает Рыбникова, само по себе существенного значения не имеет. Не важно, что будет изучать юноша, существенно, чтобы он имел возможность вжиться в творчество большого поэта. «Неужели нельзя сидеть с Пушкиным месяца три? Необходимо. Если не с Пушкиным, то с Толстым. С кем — это все равно. Лишь бы был такой автор, на котором юный читатель выучился вчитываться, вживаться, вчувствоваться в творческий мир поэта».

Произвольным, основанным на субъективных мотивах, может быть и переход от одного писателя к другому: «Устраиваю Гоголевскую выставку, и оба класса, нога в ногу, проходят Гоголя», «нападут учащиеся на Толстого, и будет Толстой».

Основная задача преподавания литературы, утверждает М. А. Рыбникова, заключается в том, чтобы насытить учащихся «непосредственными художественными впечатлениями большой силы и завершенности». Всю свою методику она подчиняет задаче «медленного чтения и длительной остановки на одной творческой инди-

видуальности». Отвергая на любой ступени школьного обучения систематический курс литературы (за исключением небольшого завершающего цикла обзорных лекций), она уделяет наибольшее внимание внеклассному изучению литературы. Урок как таковой не привлекает специального внимания методистки. Во введении к своей книге она пишет: «Темы, здесь затронутые, обнимают как внеклассную, так и классную работу преподавателя словесности, но оставляют в стороне обычное течение урока, которое, в моем представлении, сводится к беседе». И далее она в двух фразах характеризует «обычное течение урока»²⁶.

Но было бы неверно, установив идеалистический характер эстетических взглядов М. А. Рыбниковой в эти годы, ее несколько односторонний интерес к внеклассным формам изучения литературы, пренебречь колоссальным опытом ее преподавательской и методической работы. Это было бы тем более неверно, что достижения Рыбниковой, как и ее недостатки, не были только индивидуальной особенностью методистки. Работа М. А. Рыбниковой в яркой и острой форме отражала искания многих передовых преподавателей-словесников, той поры, трудности и противоречия в их работе.

Характерна в этом плане статья провинциального учителя С. А. «Странички наблюдения», опубликованная в самом начале 1919 года в методическом сборнике «Родной язык в школе». Отмечая ослабление интереса учащихся к классному изучению литературы, автор подчеркивает, что зато теперь в каждом классе имеются литературные кружки и журналы. Внеклассная работа развернута широко и многообразно—«рефераты, чтение произведений, драматизация, беседы, иллюстративное рисование, составление плакатов, схематизирующих пройденный курс, наконец, школьные спектакли»²⁷. Все это в превосходном качестве практиковалось и в Малаховке.

Среди новых методов воспитательной работы особое место в Малаховской опытно-показательной школе занимали постановки драматических произведений. Детскому театру молодая советская методика вообще уделяла большое внимание. Во вступительной статье к вновь организованному журналу «Игра» А. В. Луначарский специально подчеркивал педагогическую роль детских спектаклей. В подписанной им же как наркомом

просвещения официальной директиве («Вопросы, поставленные Комиссариатом народного просвещения театральнo-педагогической секции и подотделу школьного театра») подчеркивалось: «...Одним из активнейших методов усвоения является театральное изображение данного материала. Инсценировка басен, стихотворений и рассказов может служить громадной помощью при изучении словесности»²⁸. Так же настоятельно вопрос о значении детского театра ставился и в других методических статьях того времени²⁹. Деятельность Рыбниковой и в этом случае отвечала назревшей педагогической потребности.

Наряду с постановкой пьес русского классического репертуара (Гоголь, Островский, Чехов) М. А. Рыбникова уделяла большое внимание инсценировкам фольклорных текстов³⁰. Сценическое воплощение народно-поэтических произведений проводится ею как большая коллективная работа, включающая выбор текста, совместное продумывание плана постановки, подготовку музыкального сопровождения, декораций, костюмов, реквизита. В связи с распределением ролей обсуждается характер каждого персонажа, его место в развитии сюжета, идея произведения. Наряду с основными исполнителями к постановке активно готовится хор. Так, постановка спектакля превращается в работу большой образовательной и воспитательной значимости.

Еще больше внимания М. А. Рыбникова уделяла литературным выставкам, ежегодно организуемым ею в Малаховской школе. Вокруг выставки сосредоточивалась на два-три месяца вся учебная жизнь школы. Избранным писателем занимались одновременно почти все классы. Разделенные на бригады, учащиеся составляли биографическую канву жизни писателя и карту его странствий, библиографию его сочинений, монтажи и альбомы, сличали рукописные варианты сочинений писателя и изучали его мастерство. На уроках рисования готовились иллюстрации к литературным текстам, на уроках пения разучивались песни для вечера, сопровождающего открытие выставки.

Подводя итоги работы над Пушкиным, Рыбникова писала: «Выставка вместе с вечером заставила нас целых два месяца прожить вместе с идеями и образами величайшего из наших поэтов».³¹

Существенно отметить, что и для самой методистки работа над организацией выставки была большой литературной школой. Как видно из приложений к книге «Работа словесника в школе», подготовка к каждой выставке требовала от нее немалого исследовательского труда. Результаты этих работ она впоследствии использовала в своих филологических сочинениях. Но нельзя не заметить и того, что теория интуитивного «вчувствования» в произведение увлекавшая в то время Рыбникову, отрицательно отразилась на идейной стороне многих проведенных ею работ. Стремление «вчувствоваться» в духовный мир Л. Н. Толстого, включая его религиозные и философские взгляды, организация выступления в школе некоего «знаменитого толстовца», который «страшно заинтересовал учащихся», рисование стилизованных «иконописных» иллюстраций к народным рассказам писателя, наряду с наивными рассуждениями на тему «Толстой и Маркс», неизбежно приводили к тому, что часть учеников увлекалась идеями толстовства. В статье о выставке, посвященной Л. Н. Толстому, М. А. Рыбникова приводит следующий отрывок из ученического дневника: «...В знак глубокой благодарности к Толстому и к братскому труду, который проделали мы на выставке, решили, что выйдем отсюда брагьями, как учил Толстой»³².

Отдавая должное педагогическому энтузиазму и методическому мастерству М. А. Рыбниковой, нужно признать, что увлечение вечерами и выставками нарушало нормальное течение учебной работы. Нельзя не согласиться с П. Н. Сакулиным, который, по свидетельству самой Рыбниковой, называл ее методику «педагогическим, хорошего тона, анархизмом».³³ Впоследствии методистка настойчиво стремилась изжить элементы «анархизма» в своем педагогическом стиле.

В эти же годы М. А. Рыбникова руководила в Малаховке литературными кружками, проводила экскурсии в природу, напраздляла творческую самодеятельность учащихся, продолжая линию, начатую ею еще в Вязьме и отраженную в ее ранних методических статьях.

Одним из наиболее крупных достижений М. А. Рыбниковой в период ее преподавания в Вязьме и Малаховке была разработка методики наблюдения над языком художественного произведения. Доклад на эту тему был

прочитан ею на Петроградском съезде преподавателей русского языка и литературы в 1921 году и опубликован в сборнике «Работа словесника в школе»³⁴.

М. А. Рыбникова рекомендует два вида наблюдений над художественным языком: попутное, в процессе изучения литературного памятника, и систематическое, проводимое путем специальных упражнений. Такие наблюдения, подчеркивает она, можно вести и в процессе классных занятий и при выполнении внеклассных заданий. Так, изучение «Евгения Онегина» дает возможность углубиться в художественную лексику романа, постановка на школьной сцене «Ревизора» позволяет сопоставить различные варианты комедии и сделать выводы о постепенном совершенствовании ее языка, чтение произведения по ролям подводит к пониманию особенностей речи каждого персонажа, многоголосая декламация «Песни о купце Калашникове» обнажает перед учащимися ее ритм и звукопись, вечер, посвященный «Слову о полку Игореве», приближает к ученикам древнерусский язык его подлинника. При подготовке выставки и организации кабинета родного языка все эти задачи могут выполняться одновременно. Полезно также проводить вечера, посвященные современной поэзии.

Уже в 1921 году М. А. Рыбникова предложила развернутую систему упражнений по русскому языку, имея в виду следующие ее разделы: слово с его корнем, суффиксом и приставкой, строение предложения, структура поэтического образа (эпитет, метафора). Примеры, которые приводятся ею в книге, и упражнения, предлагаемые ученикам, с одной стороны, подытоживают практическую работу методистки в Малаховке. Вместе с тем эти материалы являются результатом ее исследовательской работы в области русского языка.

Особенно тесно связан петроградский доклад М. А. Рыбниковой с ее книжкой «Изучение родного языка». По свидетельству методистки, эта работа была задумана ею еще в Вязьме, в начале 1916 года³⁵.

Свое пособие М. А. Рыбникова строит как систему задач и упражнений по языку, предваряемых краткими заметками и комментариями. «Упражнение, испытание собственных сил — единственно правильный путь к зарождению внимания. Данный вопрос не существует для большинства людей, пока умелый руководитель не сделает

его в слабом сознании учащегося в вопросе, — подчеркивает методистка. — А судить его вопросом должно практически, иначе все это будет ветошь маскарада, слова о словах. Говорящий о стиле всегда рискует воскресить схоластику, риторику, пиитику древних времен, если он поведет свою речь о стиле, не вызвав предварительно к жизни самостоятельной мысли своего слушателя»³⁶. Своим ближайшим предшественником Рыбникова считает Ф. И. Буслаева с его обстоятельно разработанной системой наблюдений над языком, предложенной в труде «О преподавании отечественного языка».

В книге М. А. Рыбниковой много интересных упражнений и задач, перенесенных ею впоследствии в ее большие филологические работы и сохраняющих доныне свое научное и педагогическое значение. Однако в методологическом плане эта книга отличается еще большей неорганизованностью. Наряду с многочисленными примерами из Пушкина, Державина, Тютчева, из устного народного творчества Рыбникова тщательно анализирует язык Н. Клюева, характеризуя его как поэта революции. Многократно и большим пиететом она обращается к А. Белому, которого считает крупнейшим стилистом современности. Авторитетами в области поэтического языка для нее являются И. Северянин и К. Бальмонт. Наблюдения над языком этих писателей объединяются ею под знаком своеобразно трактованной формалистической идеи о борьбе архаических и новаторских тенденций в поэзии: «Есть два рода художников слова. Первые — это блюстители установленного уже словаря. Таковы Пушкин, Тургенев, Лермонтов, Толстой, Чехов, Блок. Это — классики. Вторые — искатели нового слова. Таковы Державин, Гоголь, Лесков, Достоевский, Бальмонт и Белый. Это романтики речи»³⁷.

Книга «Изучение родного языка» и теперь поражает обилием свежих наблюдений, изобретательностью в постановке стилистических задач. Но проблемы стилистики даются в ней в отрыве от идейного содержания анализируемых произведений, а обращение к современности, в конце концов сводится к апологии модернизма. Изучение стиля писателя ведется в отрыве от историко-литературного процесса. Показательно, что такими же недостатками было пронизано интересное, но весьма далекое от подлинного историзма исследование Рыбниковой о Блоке,

относящееся к тому же периоду. «Поколение русских символистов вернуло русскую мысль к пути мирового круговращения идей и образов». — такова одна из основных мыслей этого исследования.³⁸

Однако для нас теперь не столько важны те или иные ошибки, допущенные М. А. Рыбниковой на ранних этапах ее деятельности, сколько ее путь к преодолению этих ошибок. В этом смысле выдающийся интерес представляет «Книга о языке», второе, переработанное издание пособия «Изучение родного языка»³⁹. Достоин удивления идейный рост методистики за пять лет (1919—1924) ее работы.

Резко меняется структура книги. Вместо отрывочных заметок в «Книге о языке» дается систематическое изложение основных вопросов стилистики. Обзорное изложение отдельных стилистических проблем чередуется со специальным исследованием языка отдельных писателей («Архаизмы Пушкинского словаря»), с историко-литературными экскурсами («Эпитет как проблема историко-литературная»). Исходя из марксистского тезиса «Бытие определяет сознание», Рыбникова в своей новой работе пытается идти к писателю от жизни, от исторического осмысления процесса развития литературы. Меняется и состав авторов. На задний план отходят А. Белый и Н. Клюев, на первое место выдвигаются Маяковский, поэты «Кузницы». Широко вводятся такие писатели, как А. Безыменский («Комсомолия»), А. Серафимович («Железный поток»), В. Иванов («Бронепоезд 14-69»), Л. Сейфуллина («Перегной»).

Во вступительной главе к «Изучению родного языка» М. А. Рыбникова обещает закончить последнюю часть своего пособия главой о композиции целого произведения. Систематическое изложение вопросов композиции ей в дальнейшем дать не пришлось, но ряд частных исследований на эту тему был ею собран в работе «По вопросам композиции»⁴⁰, примыкающей к «Книге о языке».

Как были встречены при своем появлении сочинения М. А. Рыбниковой? Методологические принципы «Работы словесника в школе» вызвали разноречивые оценки⁴¹. Антиисторизм и субъективизм Рыбниковой, ее призыв изучать писателей вне эпохи, как «вечных спутников», вызвали возражение большинства рецензентов. Но почти все они с похвалой отзывались о свежести путей и прие-

мов изучения литературы, предлагаемых методисткой, об активном, «трудовом» методе ее работы, о широком использовании фольклора в учебных целях, об ее внимательном изучении языка. Особенно высоко было оценено пособие «Изучение родного языка». Отмечая отдельные лингвистические неточности в нем, рецензенты указывали на высокую полезность этой, по выражению проф. Д. Н. Ушакова, «ценной книги»⁴². Впоследствии, рецензируя «Книгу о языке», известная советская лингвистка Р. О. Шор также устанавливала «большую и бесспорную ценность» этой работы. Она писала: «Богатый и умело подобранный материал; удачные цитаты и интересные справки историко-литературного характера; наконец, легкая и увлекательная манера изложения — всем этим «Книга о языке» сумеет бесспорно пробудить в своем читателе интерес к родному языку и направить его внимание на основные проблемы его изучения»⁴³.

Таким образом, еще до переезда в Москву, работая в сельской школе, М. А. Рыбникова стала крупнейшей фигурой в методическом движении начала 20-х годов, авторитетнейшим советским педагогом-словесником.

4

В 1923—1925 годах марксизм еще мало проник в преподавание литературы. Учителя-словесники в подавляющем своем большинстве не были знакомы с высказываниями по вопросам искусства К. Маркса и В. И. Ленина. Зато большой популярностью пользовались потебнианские взгляды, пропагандируемые известными методистами-словесниками В. В. Даниловым и И. П. Плотниковым, формализм, особенно в сочетании с вульгарным социологизмом (так называемый «формально-социологический метод»). С отдельными высказываниями классиков марксизма об искусстве учителя чаще всего знакомились по трудам профессора П. Н. Саквлина, пытавшегося в своем «социологическом методе» эклектически сочетать теорию марксизма с идеалистическими позициями культурно-исторической школы.

Установлению методологической путаницы в сознании учителей-словесников немало способствовал в то время журнал «Родной язык в школе», насаждавший среди своих читателей самые разнообразные антимарксистские методологические теории. Так, в восьмом выпуске этого

журнала за 1925 год⁴⁴ была представлена целая энциклопедия идеализма и вульгарного социологизма. В отдельных статьях этого выпуска популяризировались формализм и потебнианство, фрейдизм и теория биологической обусловленности творчества, «рефлексологический метод» и литературные взгляды проф. Переверзева. Учителю предоставлялось выбрать любую из этих теорий в чистом виде или в «сочетании» с марксизмом.

Разработанная в эти годы комплексная программа резко ограничивала роль литературы в системе школьного образования и воспитания. Под угрозой была поставлена самостоятельность литературы как учебной дисциплины — некоторые руководящие деятели Наркомпроса, в частности М. Н. Покровский, настаивали на объединении литературы с обществоведением в руках учителя-обществоведа и изучении ее в чисто иллюстративном плане. В названном выше журнале за тот же 1925 год печатались специальные статьи в защиту литературы как отдельного предмета преподавания⁴⁵. Как крик о помощи, прозвучала опубликованная в журнале статья тульского словесника П. Мощанского, с горечью констатировавшего, что из «премьеров» литература перешла «на вторые роли, на ампула иллюстратора обществоведения и — отчасти — естествознания». В условиях, когда литературный материал должен быть подчинен комплексной теме, подчеркивал автор, под удар попадают прежде всего крупнейшие писатели-классики. «Приходится перелистывать горы книг, новых и старых, просматривать прежние журналы — и все это в погоне за 2—3 страницами (а то и меньше...), иллюстрирующими, скажем, кустарное производство... Как объект литературных занятий всплывают с литературного дна второстепенные и даже третьестепенные писатели, а звезды первой величины остаются вне поля наблюдения и изучения (например, Лермонтов, Л. Толстой, которых никак не пристегнешь ни к кустарю, ни к фабрике)»⁴⁶.

В ноябре 1923 года М. А. Рыбникова переезжает в Москву и становится преподавателем литературы в Московском педагогическом техникуме имени Профинтерна. Преподавание в техникуме оказывается удобным для нее в том отношении, что позволяет, не подчиняя своей работы комплексным школьным программам, широко ставить изучение классической и современной литературы, смело

экспериментировать. На III курсе техникума она вводит обширный курс советской литературы, сочетая лекционное изложение с развернутыми беседами и докладами учащихся. Успеху талантливой методистки способствует сильный состав преподавателей техникума, сочувствовавших ее начинаниям: в нем работал в то время П. Н. Шимбирев (директор техникума), Е. Н. Медынский, В. А. Вейкшан, П. О. Афанасьев и другие крупные педагоги и методисты.

В Москве М. А. Рыбникова развертывает обширную общественно-педагогическую деятельность. «Дела мои ширятся, — записывает она в свой дневник, — растут ввысь и вглубь. Кроме обучения III курса я веду кружок очень интересный: «кружок писателя», организую кабинет родного языка, куда теперь вливается музей наглядных пособий. Самое важное: с 12 января открываю занятия с учителями 2-й ступени... Кроме того, работа со студентами. Совершенно налажился семинарий по поэтике в Институте слова, идет интересно и широко, живо и содержательно. Помимо студентов Института слова сюда войдут студенты ФОНа, Брюсовского института и двух педагогических учреждений. Есть надежда—через педтехникум организовать конференцию словесников»⁴⁷.

В условиях, когда значительная часть преподавателей-словесников чувствовала растерянность в связи с ликвидацией самостоятельной роли литературы в новой программе, Рыбникова посвящает все свои силы пропаганде литературных знаний, популяризации советской литературы и передовых методов ее преподавания. В педагогических журналах той поры то и дело мелькают сообщения о ее докладах и выступлениях, о различных литературных мероприятиях, замышляемых и проводимых ею. Мы узнаем, что Рыбникова задумала организовать фольклорную экспедицию учителей, что на заседании Постоянной комиссии преподавателей русского языка в Москве она выступала с докладами «Книга С. Федорченко «Народ на войне» как материал для занятий по русскому языку», «Изучение элементов поэтики на материале новейшей художественной литературы», «Литературные таблицы и графики» и т. д.⁴⁸

Поистине грандиозным замыслом была организация М. А. Рыбниковой литературно-методического семинария при педагогическом техникуме. Семинарий объединил более ста учителей, которые работали в его многочисленных

комиссиях, секциях, кружках. Так, библиографическая секция под руководством М. А. Рыбниковой составила обширный справочник по советской литературе, изданный отдельной книгой. К книге была приложена большая работа самой Рыбниковой — «Семинарий по советской литературе», явившаяся в значительной своей части итогом ее преподавательской работы в техникуме⁴⁹. Группа участников семинария занималась изучением читательских интересов школьников, собирая материалы, помимо Москвы, в Брянске, Ржеве, Оренбурге и других городах. Результатом этой работы была статья Рыбниковой «Учащиеся как читатели», опубликованная в ее книге «Современная и классическая литература в школе». Комиссия по литературным экскурсиям своей деятельностью дала толчок для дальнейшей работы М. А. Рыбниковой в сотрудничестве с Л. Е. Случевской и другими учителями по развертыванию образовательных экскурсий. Литературная секция была занята изучением марксистских работ по теории литературы и искусства. Все это дополнялось посещением и разбором образцовых уроков в школе, которые обычно давала сама Рыбникова⁵⁰.

В мае 1925 года в педагогическом техникуме была организована большая выставка литературных работ школьников и учащихся техникума, студентов педфака 2 МГУ (где с конца 1924 года начала работать М. А. Рыбникова) и учителей. Как отмечал рецензент выставки Н. С. Поздняков, среди материалов выставки было немало сомнительного по своей научной ценности. Но, отражая мнение большинства учительства, рецензент оценивает выставку в целом очень высоко: «По количеству и широте затронутых вопросов и по школьно-практическому подходу к их решению эта выставка — явление выдающееся, и неувдительно, что она вызвала громадный интерес как в среде учащихся, так и у словесников и у всех, чье сердце расположено к литературе, что видно и по числу и по разнообразию ее посетителей»⁵¹.

На издание учебных программ ГУСа 1923 года М. А. Рыбникова откликнулась статьей «Голос словесника». Эта статья, несмотря на ряд содержащихся в ней ошибочных положений, представляет собой образец педагогической публицистики и принадлежит к числу лучших сочинений методистики.

В первой главе статьи — «Трудный год» — Рыбникова

рассказывает о горячих спорах и столкновениях, которые были вызваны в 1923/24 учебном году появлением новых программ. Эта страстная борьба вокруг вопросов преподавания литературы скорее радует, нежели огорчает методистку: «...Возвращаясь к нашему вопросу: «отчего идет вся эта перепалка?», мы скажем, что меньше всего от признания бесполезности и бессилия литературы. С бессильными не борются».

М. А. Рыбникова отмечает большие прогрессивные сдвиги в развитии педагогического дела. Новое программное и методическое творчество, при всех его погрешностях и перегибах, имеет под собой здоровую почву. «...Основная причина, не много—не мало, зовется революцией, которая вот теперь докатилась до вопросов преподавания литературы». Она призывает учителей к смелому дерзанию, к поискам новых путей. «Современный учитель призван эпохой к величайшей роли, к роли творца, — подчеркивает она. — Наше творчество должно быть в согласии с запросами учащейся, нового призыва, молодежи, в согласии с наукой, которой эта молодежь жаждет, но которой она еще не знает». Знаменательно, что уже в эти ранние годы становления советской школы Рыбникова прямо ставит вопрос о партийной позиции учителя-словесника. «Словесник, имеющий дело с словесным выявлением современной человеческой психики, должен прежде всего быть активным членом государства и общества».

М. А. Рыбникова резко критикует дореволюционное преподавание: засилие древней литературы, идеалистическую методологию, учение по Саводнику. Она готова отдать политграмоте «общественную часть» литературы (то есть изучение ее идейного содержания), оставив словеснику только изучение языка и теории поэзии. Она считает возможным и полезным включить словесника в изучение больших жизненных комплексов («Город», «Деревня»), в экскурсионную работу в связи с комплексом. «Посещение и обследование производства, экскурсия по городским улицам, выход в деревню, обследование крестьянского двора, — все эти темы обществоведческих экскурсий должны проводиться обязательно так, чтобы словесник был тут».

Осуществляемая таким образом связь литературы с жизнью даже привлекает методистку. Но про-

тив использования литературы только в иллюстративных целях она решительно возражает.

М. А. Рыбникова обращается к учительству с призывом овладеть учением марксизма. «Марксизм не отворачивается от искусства, — разъясняет она учителям, — марксизм не отрицает индивидуальных свойств Тургенева и Толстого, он только ставит все их романы на историческое их место, и самих авторов рассматривает в окружении всей экономической и социальной среды». Она призывает к изучению современной литературы. «Товарищ словесник, бери в руки стихи и рассказы наших дней и давай их ребятам наших дней; здесь общий язык и общая жизнь». Ей представляется полезным строить программу средних классов школы по принципу своеобразной переключки тем и идей: Д. Бедный — Крылов, Маяковский — Некрасов, Либединский — Чехов. И вновь раздается ее голос в защиту самостоятельности, активности учащихся. «Поставить на сцене пьесу, научить читать стихи, прокорректировать собственные стихи начинающего автора, справиться с хоровой декламацией, заразить всю школу мощью и красотой этой коллективной декламации — это все дело специальных навыков эстетического воздействия и воспитания, — пишет она. — Дело это, повторяю, гражданского воспитания, но путем чисто эмоционального и эстетического воздействия». Высшим проявлением активности учащихся она считает их творческую самодеятельность, стимулируемую изучением литературы, «интенсивность детского творчества»⁵².

Итоги учебной работы в педагогическом техникуме за 1924/25 учебный год М. А. Рыбникова подвела в статье «Год занятий по современной литературе». В этом отчете не все может удовлетворить нас. Подбор произведений для изучения во многом неудачен. Несоразмерно большое место, даже для того времени, в ее программе занимает изучение творчества Н. Клюева, Б. Пильняка с его «Голым годом», Е. Замятина. Чрезмерное внимание уделяется С. Есенину и обстоятельствам его смерти. Но вместе с тем статья свидетельствует о широком охвате современной литературы и многообразии методов ее изучения. Укажем на некоторые виды работ учащихся техникума. 1. Библиографирование («Москва на страницах современной литературы» — тезисы и библиография). 2. Реферирование («Отзывы критики о Д. Бед-

ном»). 3. Литературные обзоры («Женский образ в литературе наших дней»). 4. Литературные параллели (Маяковский и Безыменский). 5. Анализ композиции произведения («Композиция поэм Маяковского»). 6. Анализ художественного языка («Сравнения у Вс. Иванова»).

Характеризуя свою работу, Рыбникова писала: «Настаиваю не на объеме материала, а на принципах его разработки: изучение литературных тем и жанровых свойств в плане социальной и историко-литературной обусловленности»⁵³.

Таким образом, первые два года работы М. А. Рыбниковой в Москве ознаменовались упорным стремлением овладеть марксистской методологией, широким изучением и пропагандой современной литературы, энергичной борьбой за правильное использование литературы в воспитательных целях, огромной общественно-педагогической деятельностью.

5

В конце 1924 года М. А. Рыбникова становится штатным преподавателем 2-го Московского государственного университета. С 1927 года она начинает работать в научно-исследовательских учреждениях — Институте методов внешкольной работы, Институте научной педагогики, Программно-методическом институте. Эту работу она совмещает с преподаванием в средней школе, в частности, с 1926 года — в школе II ступени имени Луначарского. Она участвует также во всех комиссиях по составлению учебных программ и по вопросам детского чтения, организуемых Наркомпросом.

Активное участие принимает М. А. Рыбникова в подготовке новых учебных программ, пришедших на смену комплексным программам 1925 года. Еще в марте 1926 года в Наркомпросе состоялось совещание по вопросу об историзме в применении к общественным дисциплинам. По докладу проф. П. Н. Сакулина наркомом А. В. Луначарским была предложена следующая резолюция:

«Целью изучения литературы в школе-семилетке является:

1) Путем изучения литературного материала содействовать живому пониманию социальной действительности и ее исторического происхождения, а также марксистскому подходу к литературным произведениям.

2) Использовать эмоционально-воспитательную силу литературы путем соответствующего подбора материала для углубленного чтения.

3) На разборе литературных произведений укрепляется выразительность языка учащихся. Для достижения этих целей необходимо признать за изучением литературных произведений самостоятельность, без разрыва, однако, органической связи с обществоведением.

4) Использование как современной литературы, так и литературы прошлого как чисто иллюстративного материала при прохождении обществоведения выделяется в круг забот последнего и не должно считаться органической частью изучения литературы в школе, предполагающего лишь всестороннее изучение крупнейших литературно-художественных произведений и развития литературы в связи с историей и общественностью».

В мае—июне 1926 года комиссия Наркомпроса работала над проектом новой программы. На одном из заседаний М. А. Рыбникова прочла доклад «Учащиеся-читатели», основанный на ее многолетнем изучении читательских интересов школьников. Ей поручается подготовка проекта программы по литературе для старшего центра⁵⁴.

Во второй половине 1926 года вокруг новой программы завязывается борьба. М. А. Рыбникова постепенно оттесняется от руководящей работы в комиссии, в которой все большее влияние начинают приобретать проф. Переверзев и его приверженцы. Как известно, несмотря на неодобрительное отношение к этому А. В. Луначарского и Н. К. Крупской,⁵⁵ программа 1927 года испытала на себе (особенно в старшем центре) сильное влияние переверзианства.

Новую программу М. А. Рыбникова приняла критически. Отметив, что в ней классическая литература заняла достойное место («загнанные в кружки, во внеклассное чтение, иссеченные хлесткой фразой напостовцев, классики, наконец, восстановлены в своих правах»), она высказывала несогласие с резким уменьшением роли современной советской литературы в школьном курсе. «Она (комиссия ГУСа. — Я. Р.) включила в список разбираемых произведений настолько ограниченное количество современных авторов, что за программой в таком ее ви-

де нельзя признать нужной объективности и законченности»⁵⁶.

Восстановление в правах литературы как учебного предмета вызвало необходимость в новых методических пособиях. В 1927 году появляется книга М. А. Рыбниковой «Русская литература в вопросах, темах и заданиях»⁵⁷.

Еще в конце 1921 года во введении к своей первой методической книге «Работа словесника в школе» Рыбникова писала: «Учебник не нужен. Но необходим вопросник. Составление вопросника — одна из текущих работ автора данной книги»⁵⁸. Таким образом, новое пособие явилось обобщением многолетнего педагогического опыта методистки.

Обращает на себя внимание многообразие подхода М. А. Рыбниковой к литературе. Большинство ее заданий относится к отдельным, единичным произведениям. Но когда это ей представляется целесообразным, она группирует произведения по циклам — стихотворения Некрасова, сказки Щедрина, рассказы Чехова 90-х годов — и рассматривает их как целое. Обычно вопросы ставятся Рыбниковой применительно ко всему произведению. Но наряду с этим анализ может вестись и по главам («Евгений Онегин»), частям («Преступление и наказание»), томам («Война и мир»), с последующим обобщением всей темы в заключительных выводах. Наряду с целостным разбором текста методистка охотно прибегает к анализу отдельной, центральной в данном случае проблемы. Так, при изучении романа «Война и мир» она рекомендует «вести анализ по томам, беря в каждом томе основную линию жизни главных героев, Андрея и Пьера, и кроме того, относя на каждый том один из общих вопросов: на I том — основу группировки действующих лиц, на II том — бытовые сцены из дворянской жизни, Наташу и Николая, на III том — философию истории Толстого и на IV том — народнические идеалы автора, в связи с образом Каратаева». К любимым приемам Рыбниковой, продолжающим традиции В. Я. Стоюнина, относится сопоставление двух литературных памятников по сходству или контрасту, например, «Памятник» Державина и Пушкина, «Вольность» Пушкина и «Вольность» Радищева.

Основной метод анализа, обычно применяемый М. А

Рыбниковой, — раскрытие идейного содержания произведения через анализ его композиции и языка. Так строится в книге разбор поэмы ~~Владимир~~ «Цыганы»:

1) Какими образами и какими деталями дана картина дикой вольности?

2) К чему привык в таборе Алеко и чего он не достиг?

3) Обоснуйте во всех деталях введение в поэму рассказа об Овидии, сравнив образ последнего с характером Цыгана и Алеко.

4) Зачем вставлен рассказ о Мариуле? Что он дает для характеристики нравов Земфиры и старого Цыгана?

5) К чему дана песня Земфиры? и т. д.

Поучителен характер постановки вопросов к произведению (каким образом, зачем, к чему, в чем и как), требующий раскрытия идейной функции композиционных и стилистических приемов.

Какими бы путями ни шла М. А. Рыбникова к уяснению содержания произведения, она никогда не дает выводов готовыми, а всегда заставляет учеников доходить до них самостоятельным размышлением. Таков, например, разбор «Бежина луга», где нет ни одного вопроса, на который можно было бы ответить механически, без серьезных раздумий.

1) Поставьте в связь картины природы, взятые в начале рассказа, с темами дальнейших разговоров.

2) Покажите по главным этапам и деталям, как выдержана единая тема беседы.

3) Каково отношение Тургенева к самим мальчикам?

4) Как он показал своеобразие каждого?

5) Попробуйте поставить в связь характеры этих мальчиков с образами взрослых крестьян в «Записках охотника»: кто из кого разовьется?

6) Что видит Тургенев в рассказах мальчиков, поэзию или суеверие?

7) «Орловский» элемент в слове «Бежина луга».

8) Зрительные приемы в начале рассказа и звуковые в основной его части. Звукоподражательные слова⁵⁹.

Среди отдельных поучительных приемов, применяемых М. А. Рыбниковой, можно указать следующие:

а) Знакомство с жизнью и бытом, изображаемыми в произведении (экскурсия по Грибоедовской Москве или

по «Замоскворечью» А. Н. Островского). Экскурсия на производство в связи с изучением произведений пролетарских писателей (Гладков, Ляшко, Гастев).

б) Сопоставление произведения писателя с живописью («Сватовство майора» и «Утро чиновника» Федотова сравнительно с повестями Гоголя; «Глухарь» Гаршина и картина Ярошенко «Кочегар»)

в) Посещение театральной постановки и сопоставление литературного произведения с его сценическим воплощением.

г) Изучение творческой истории и особенностей стиля произведения путем сличения его вариантов (две редакции «Тараса Бульбы»).

д) Изучение произведения с использованием графиков (графики «Взаимоотношение действующих лиц в романе «Рудин», «Человеческое соседство Раскольников»).

е) Литературно-творческие сочинения различных типов, например, «Эпизод из жизни героя нашего времени», «Хлестаков в обстановке современности», «Напишите рассказ из крестьянской жизни, взяв за основу одну из бегло набросанных Чичиковым историй в VII главе «Мертвых душ».

6

В 1928 году вышло методическое пособие для преподавателей В. В. Голубкова и М. А. Рыбниковой «Изучение литературы в школе II ступени». Книга включала вступительные статьи авторов по вопросам методологии литературоведения (В. В. Голубкова) и методики преподавания литературы (М. А. Рыбниковой) и методические разработки тем, входящих в программу 1927 года. Мы не будем характеризовать здесь отдельные разборы, а, оттолкнувшись от приведенного в книге плана занятий по VI году обучения (материал по этому классу целиком разработан Рыбниковой), сформулируем некоторые методические принципы, положенные методисткой в основу своей работы. Следует иметь в виду, что многие из этих принципов разработаны обоими авторами и не всегда легко установить долю участия в работе каждого из них.

План занятий VI года

	Материал	Темы	Методические приемы
I	Толстой. «Хаджи Мурат». Лермонтов. «Спор».	Деспотизм как основная тема «Хаджи Мурат». Изображение войны у Толстого и у Лермонтова.	Подготовка устных ответов к вопросам, выписки на тему. Сопоставление текста повести с текстом первоисточника. Сопоставление произведений на одну тему, но с различным освещением вопроса.
II	Толстой. «После бала». Пушкин. «Обвал» «Кавказ». Лермонтов. «Валерик». Некрасов. «Орига — мать солдатская».	Военная среда николаевской поры. Кавказ в русской поэзии. Стихосложение.	Сопоставление сходных по темам произведений. Работа с пропущенными эпитетами.
III	Некрасов. «Железная дорога», «Размышления у парадного подъезда», «О погоде».	Характерные для автора темы (классовые противоречия).	Восприятие и анализ произведения через выразительное чтение.
IV	Лермонтов. «Беглец», «Мцыри» «Парус», «Сосна».	Герой произведений Лермонтова. Эпос и лирика поэта в их связи.	Подход к произведению через опыт собственного творчества.
V	Лермонтов. «Смерть поэта», «Песня о купце Калашникове».	Современная поэту действительность в его творческом преобразении.	Биографический комментарий и коллективное чтение.
VI	Пушкин. «Анчар». Лермонтов. «Воздушный корабль», «Три пальмы».	Баллада и поэма. Баллада в ее связи с легендой.	Привлечение современной легенды в сопоставлении с балладой; сравнение произведений одного жанра, но различных авторов

	Материал	Темы	Методические приемы
VII	Островский. «Бедность не порок».	Строение эпизода и драмы. Купец в комедии Островского.	Через центральный эпизод к анализу драмы в целом.
VIII	Гоголь. «Ревизор»	Характеры героев комедий. Развитие действия в комедии. Сатирический смысл комедии Гоголя. Писатель и класс.	Усложнение примерами из произведения характеристики, данной автором. Опыт перестановки эпизодов (для выяснения динамики комедии).
IX	Пушкин. «Капитанская дочка»	Построение повести. Ее тематика. Гринев, как рассказчик событий. «Капитанская дочка» — дворянская семейная хроника.	Анализ вставных частей, работа над эпиграфами; замена одного рассказчика другим; переделка повести в драму.
X	Чехов. «Мужики».	Мужики в освещении Чехова. Тема и идея произведения.	Защита и обвинение героев. Рассказывание отдельных глав; опыт их перестановки.
XI	Чехов. «Новая дача», «Злоумышленник», «Унтер Пришибеев».	Построение характера героя. Социальная природа персонажей Чехова.	Через оформление собственных наблюдений к творчеству писателя. Разбор чтения по ролям как метод анализа рассказа.
XII	Горький. «Детство», «9-е января», «Буревестник», «Сказки об Италии».	Центральные персонажи «Детства», классовая их идеология; застенчивость. Поэзия классовой борьбы. Рабочий коллектив как новый герой в литературе.	Через разбор одной главы — к анализу целой повести. Составление сравнительной характеристики в форме таблицы. Хоровая декламация. Коллективное сочинение группы.

Характерен, прежде всего, особый подход авторов книги к разбору каждого произведения в соответствии с его темой, жанром и индивидуальным стилем. Авторы ищут возможности изнутри, исходя из своеобразия текста, найти ключ к его пониманию. Поэтому систему методических приемов, применяемую ими к анализу одного произведения, почти никогда нельзя перенести на другие произведения.

Вместе с тем между методами, употребляемыми применительно к отдельным произведениям, существует преемственная связь. Они постепенно развиваются и углубляются — от более элементарных к более сложным. Таким образом, авторы книги стремятся наряду с сообщением системы знаний привить детям систему навыков чтения, рассказывания и письма.

Для рассматриваемой книги характерно последовательное проведение принципа единства конкретных знаний и теоретических обобщений. Вслед за В. Я. Стоюниным и В. И. Водовозовым советские методисты связывают с изучением каждого произведения усвоение определенного теоретико-литературного понятия. Эти понятия также располагаются в определенной, постепенно усложняющейся системе.

Излюбленным способом критического осмысления произведения в этой и других работах М. А. Рыбниковой является разбор содержания произведения в органической связи с формой и через форму, то есть в процессе анализа его композиции и языка. Выше, говоря о книге «Русская литература в вопросах, темах и заданиях», мы приводили в пример разбор поэмы «Мцыри», построенный на анализе ее композиции: в ходе этого анализа раскрывались тема, образы и идея произведения. В новой своей книге Рыбникова таким же путем разбирает «Каштанку» Чехова, «Песнь о вещем Олеге» Пушкина, ту же поэму «Мцыри».

«Нельзя ли чтение предварить живыми впечатлениями или опытами собственного творчества?» — спрашивает М. А. Рыбникова и отвечает на этот вопрос утвердительно. Творческое отношение учащихся к осознанию литературного материала можно и должно стимулировать путем предшествующей и сопутствующей разбору творческой работы. Виды таких работ в большом количестве предлагаются методисткой — экскурсии в приро-

ду, на производство, в музей, использование картины, творческие сочинения различных типов: «рассказ по картинке, портрет товарища, дневники на определенный срок (месяц—два) и с установкой на тему («Кто чему радуется», «Кто как ходит», «Уличные сценки», «Проявление настойчивости»)».

К методам, стимулирующим самостоятельное отношение учащихся к литературному тексту, М. А. Рыбникова относит сопоставление двух или нескольких писателей, или нескольких произведений одного писателя; прослеживание сходства или различия между ними в теме, сюжете, жанре, языке; сопоставление ранних и окончательного вариантов произведения; сличение художественного типа с его жизненным прототипом. «Соседство рассказов, повестей, драм, авторов, эпох, тем, идей, форм — это соседство имеет решающее значение в построении курса», — подчеркивает Рыбникова. И еще: «Чем больше связей, ассоциаций, взаимно перекрещивающихся сопоставлений, тем лучше воспринимается каждое из встретившихся в курсе произведений».

Как и в предшествующем своем пособии, М. А. Рыбникова не считает обязательным анализировать все произведение или всю совокупность его образов, или все компоненты. Часто на материале одной сцены при внимательном ее исследовании можно сделать такие важные наблюдения, которым не прийти при поверхностном разборе всего текста.

«Опыт подобного тщательного разбора главы, вместо разбора целой большой повести, — пишет она, — можно рекомендовать по многим соображениям. Такой разбор гораздо пристальнее, тщательнее, ближе к тексту. Он приучает от любого места книги протягивать соединительные пути ко всем другим ее пунктам, как к предыдущим, так и к последующим»⁶⁰.

Особое значение М. А. Рыбникова придает творческой самостоятельности учащихся. Литературные походы и экспедиции, составление альбомов и подготовка выставки, рисование и лепка, составление графиков и схем, вырезывание и переплетное дело — все это, будучи связано с главной задачей — литературным образованием и эстетическим воспитанием, значительно облегчает ее выполнение.

В связи с этим М. А. Рыбникова насыщает свои разборы многообразными приемами, позволяющими чередовать их в зависимости от условий работы.

Примером такой методической щедрости может служить разработка темы «Островский в школе», опубликованная М. А. Рыбниковой в журнале «Родной язык в школе» за 1927 год. К разработке имеется примечание редакции: «Статья М. А. Рыбниковой заслуживает внимания не столько как опыт марксистского анализа творчества Островского, сколько ценна для словесников своей методической стороной». Действительно в методологическом отношении статья заключала в себе ряд нечетких и даже ошибочных положений. Зато методическая палитра Рыбниковой здесь широка необычайно.

«Услышать речь художника, — подчеркивает методистка, — это то, с чего мы начинаем. Если эта речь не дошла до внутреннего слуха учащихся, то учителю вредно и опасно разбирать произведения». Поэтому она требует обязательного чтения пьес Островского по ролям. Для того, чтобы чтение было хорошим, необходимо тщательно готовиться к нему дома, посетить в театре постановку пьесы Островского, познакомиться по мемварам с игрой современных драматургов актеров. Все это будет способствовать яркости эмоционального переживания драматического произведения.

От эмоционального восприятия текста необходим переход к его аналитическому рассмотрению. «...Момент естественного перехода от переживания произведения к его разбору легко упустить, а он очень ценен». Посещение театра, знакомство с воспоминаниями современников, литературная экскурсия в бывший купеческий район — все это очень важно как момент перехода к анализу. Полезно также сопоставление, по мотивам творчества Островского с родственными ему писателями — Тургеневым и Л. Н. Толстым: чем больше разнообразных ассоциаций будет возбуждено таким сопоставлением, тем больше пользы оно принесет. Следуя традициям А. М. Горького, методистка рекомендует также рассматривать героев комедии «Свои люди — сочтемся» в одном ряду с родственными им персонажами из «Женитьбы» Гоголя, романов Мельникова-Печерского, «Фомы Гордеева» и «Дела Артамоновых».

Переходя к анализу образов, М. А. Рыбникова предлагает три вида работы.

1. Анализ персонажей на ограниченном материале одной сцены или одного действия. Этот уже знакомый нам прием способствует детальности и конкретности разбора.

2. Сопоставление героев: Катерины и Варвары, Дикого и Кабанихи, Тихона и Бориса, их обоих и Кудряша. Возможны и другие параллели (в комедии «Бедность — не порок»): «Коршунов и Митя в отношении к женитьбе, Коршунов и Гордей в отношении к городской культуре и простонародью, Любим Торцов и Коршунов — в их прошлом и настоящем».

3. «Найти какой-нибудь вопрос, ответом на который служило бы осознание персонажа в его целом». Например: «Чего больше в Катерине — силы или слабости?», «Виноват ли Тихон в гибели Катерины?»⁵¹.

Мы опускаем ряд остроумных, но частных приемов, рекомендуемых методисткой. Интересно разработаны ею графики, характеризующие композицию и сюжет драм А. Н. Островского.

Мы видим, что если в ранних своих работах М. А. Рыбникова почти не занималась разработкой методики урока, то теперь она владеет целым арсеналом точных и оригинальных методических средств построения полноценного урока по литературе.

7

В конце 20-х годов М. А. Рыбникова задумывает создать книгу о творческих сочинениях «Словесное творчество как предмет методики»⁶². Этот замысел соответствовал коренным потребностям советской школы.

В своем докладе «Коммунистическое воспитание и литература» на Всероссийской конференции словесников (январь 1928 года) Н. К. Крупская остро поставила вопрос о культуре языка школьника. «Мы страшно мало обращали внимания на то, чтобы научить писать наших учеников, — говорила она. — Я не знаю, есть ли какая-нибудь книга, которая могла бы этому научить, а между тем нам надо давать ученикам ряд упражнений, которые помогли бы им овладеть техникой творчества. Я думаю, что эта задача — создать такого рода учебник и поставить такой курс, который помог бы современному

ученику научиться писать,—это одна из чрезвычайно важных задач, стоящих перед преподавателями литературы во весь рост». Об этом же говорил и выступавший на конференции А. В. Луначарский: «...Окончательную гибкость, окончательное изящество, точность выражения, богатство способов выражения мы находим в литературной речи. И мы потому не хотим никоим образом отрываться от классиков, что мы знаем, что ими проделана гигантская работа»⁶³.

Еще раньше об этом начала писать М. А. Рыбникова. В статье «Об искажении и огрубении речи учащихся», опубликованной в 1927 году, она приводила огромный материал, свидетельствующий о порче детского языка и необходимости большой педагогической работы для повышения культуры устной и письменной речи школьников⁶⁴. Своим выступлением Рыбникова поддержала многочисленных провинциальных учителей и методистов, настойчиво ставивших этот вопрос на страницах местных изданий⁶⁵. В том же году в статье «Бывшие школьники о школьных сочинениях» на основании обширных анкетных данных, собранных среди студентов университета и учащихся педагогического техникума, Рыбникова ставит вопрос о методике сочинений в связи с жизненными интересами и возрастными особенностями учащихся и о роли учителя в этой работе⁶⁶. К тому же времени относится ее книжка «Как надо писать», посвященная деловым жанрам письма (протокол, статья, рецензия, очерк, фельетон)⁶⁷.

Откликаясь на статью М. Пистрака «Три противоречия», критиковавшую абстрактный академизм программы 1927 года, М. А. Рыбникова подчеркивала, что важнейшую роль в приближении молодого человека к жизни должна сыграть его подготовка по русскому языку: «Корень всей словесности в слове ребенка-ученика, а не в чем-либо другом. Мы осилим пересмотр постановки нашего дела, мы сможем спланировать новые программы только в том случае, если перенесем центр методического внимания на языковое детское творчество. Здесь и комплексность, и политехнизм и общественно-политическое воспитание»⁶⁸.

В книгу «Словесное творчество как предмет методики» должны были, по-видимому, войти опубликованные в журналах статьи «От маленького писателя — к большо-

му читателю», «Постановка творческих работ», «Культура образа», «Творческие сочинения как предмет методики» и напечатанная позднее «История шести работ (К вопросу о творческих сочинениях)»⁶⁹. В этих статьях предлагалась стройная система творческих работ. О том, какое значение придавала этим работам сама М. А. Рыбникова, видно по тому, что спустя десять лет она включила их в свою книгу «Очерки по методике литературного чтения».

В одной из последующих глав, специально посвященных этому крупнейшему сочинению методистки, мы рассмотрим ее высказывания о творческих сочинениях. Здесь же нам важно подчеркнуть другое. Занятия по русскому языку и литературе связываются Рыбниковой в некоторых статьях этого периода с «комплексностью», ставятся на службу пресловутому «методу проектов». Также искаженное понимание задач литературы в школе мы находим, в частности, в ее статьях 1930—1931 г.г. — «Язык и литература в системе политехнического воспитания» и «Метод проектов».

Следует сразу же отметить, что в своих попытках поставить русский язык и литературу на службу «методу проектов» М. А. Рыбникова исходила из добрых намерений — тесней связать преподавание филологических дисциплин с жизнью. «... Школа ведет подростка к максимальной связи теории и практики, к полному проникновению книги жизнью и жизни наукой. Наука в труде и для труда; труд рациональный, творческий; труд на основе широкого марксистски, материалистически выдержанного мировоззрения. Труд не только ремесло, труд в общей системе жизнестроительства». С этих позиций Рыбникова критикует принятую раньше систему преподавания: «Известное однообразие, замкнутость впечатлений сказывались и на темах бесед и на методах преподавания. Путешествовали по земле в книгах, освежали впечатление романом, обогащали словарь литературным текстом».

Каково же место литературы и языка в новых условиях, какие задачи призван решать словесник в школе?

Учитель-словесник обязан научить школьника называть многообразные предметы и явления, обозначить новые впечатления, с которыми он сталкивается на производстве. «Реальные, свежие, жизненные впечатления ищут всегда естественного языкового оформления». Точное и

вместе с тем эмоциональное языковое оформление мысли учащегося должна дать школа. На заводе, выполняя проект, ученик получает знания, приобретает умения, совершенствует навыки; «и рядом наша работа — назвать все это, сделать однозначное многозначным, сделать теплое горячим, горячее — огненным».

Метод проектов, утверждает М. А. Рыбникова, не отбрасывает литературу. Но «классическая литература XIX века да и лучшие вещи Октябрьского периода с трудом укладываются в проекты. Для проекта нужно что-то сверх программы». В центре внимания должна быть современная литература. в первую очередь производственный очерк, непосредственно воспроизводящий процессы труда. Литература XIX века приобретает служебное значение — отталкиваясь от старого, мы лучше понимаем новое.

Кроме того, писатели классики имеют для школы значение, как мастера слова. «Гоголь, Щедрин, Чехов, Горький, Толстой нужнее сейчас, чем когда-либо. В годы строительства лучшие мастера котируются по высшему тарифу. Величайшим мастерам слова — величайшая цена. Но мы должны научиться изучать их технически». Очевидно, что изучение истории литературы в таких условиях также теряет свое прежнее значение. «История литературы должна сжаться и уступить место языковой технике».

Понятно, что в условиях «метода проектов» утрачивает свой исконный смысл урок в классе. На первый план выдвигаются внеклассные формы — работа в клубе, библиотеке и читальне, театре и музее. В библиотеке изготавливается картотека аннотаций текущей беллетристики. В клубе устраиваются диспуты, выставки, литературные игры. «Вся работа эта требует нового словесника. Не аналитика литературы, а политпросветчика-литератора»⁷⁰.

М. А. Рыбникова не скрывает от читателей, что предлагаемая ею система преподавания оказывает разрушительное воздействие на школу. «Практика с устройством кружков и выставок всегда говорила, что самым верным приемом разрушения класса... является соединение в одной работе двух-трех классов, двух-трех учебных заведений». Но именно таким образом она рекомендует организовать работу по литературе.

Итак, мы видим, что дает школе «метод проектов», этот «самый верный прием разрушения класса». Что же дает он производству? На это Рыбникова отвечает:

«Он может дать следующее:

1) Новый переработанный текст объявлений и обращений.

2) Лозунги на темы: борьба с прогулами, с рвачеством, с летунами, с опозданием; ударные бригады, повышение производительности труда, изобретательство, выдвиженцы и т. д.

3) Хорошо обработанный протокол собрания.

4) Небольшая выставка, литмонтаж в стенах клуба, картины с подтекстовкой.

5) Участие в выпуске заводской стенгазеты.

6) Собственная газета и собственный журнал (с текстами стихов и рассказов) представляются в клубы или литкружки завода.

7) Литературно-художественный вечер или выступление с декламацией, инсценировки и рассказывание во время обеденного перерыва.

8) Вечер заводских воспоминаний. Отчеты и исторические экскурсии учащихся. Живые рассказы рабочих».

Как видим, работа по «проекту» почти не касалась литературы и протекала целиком вне класса. К тому же во время выполнения «проектов» школьники нередко теряли свои ранее приобретенные знания и навыки, и их приходилось возобновлять в краткие «межпроектные периоды». Об этом с обычной для нее прямотой пишет Рыбникова: «Чрезвычайно важно в межпроектный период подтягивать те пункты, в которых оказались срывы. Плохо читали, безграмотно писали, нескладно выписывали, не нашли социального зерна произведения, не уяснили классовой природы разбираемого автора; по всем этим пунктам тренируемся, доучиваемся, подтягиваемся и на следующем проекте снова практически проверяем себя»⁷¹.

После опубликования постановления ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» и отмене проектной системы занятий статьи М. А. Рыбниковой 1930—1931 годов были подвергнуты в печати резкой критике. Эта критика была своевременной и необходимой. Большой авторитет методистки, ее страстный, убежденный тон, насыщенность статей живыми наблюдениями и материалами де-

дали особенно опасными ее призывы потеснить преподавание истории литературы в пользу иллюстрирующей «проекты» случайных очерков, изучать классиков технически, — призывы, ведущие к ликвидации литературы как предмета преподавания⁷².

Но, безусловно отвергая неверные высказывания М. А. Рыбниковой в духе теории отмирания школы, мы должны вместе с тем иметь в виду некоторые конкретные обстоятельства дела.

Методика изучения языка, разработанная М. А. Рыбниковой в статьях 1928—1929 годов, хотя и перекликалась в чем-то с апологией «метода проектов», прозвучавшей в ее работах 1930—1931 годов, отнюдь не была идентична с ними. Очерки, писавшиеся для книги «Словесное творчество как предмет методики», заключали в себе большой и ценный материал, не утративший свое значение и доныне.

20 сентября 1931 года М. А. Рыбникова обратилась к А. М. Горькому со следующим письмом:

«Алексей Максимович!

То, что Вы делаете в Вашей большой работе с рабочими и начинающими авторами, я делаю в более узких школьных рамках. Я учу писать нашего советского школьника и показываю приемы этого дела. Я — методист.

При этом письме посылаю Вам рукопись книги «Словесное творчество как предмет методики». Это моя работа последних лет, и мне очень хочется Вам ее показать, тем более, что ввиду бумажного кризиса книга эта, быть может, очень нескоро выйдет в свет...

Моя просьба: посмотрите хотя бегло эту книгу и скажите о ней два-три слова.

Дело в том, что моя пропаганда (пока в специальных педагогических журналах) такой именно литературной работы в школах попала под обстрел. 1) Говорят, что работой по развитию речи я тесню время, уделенное для истории литературы. 2) Говорят, что я совершенно зря мечтаю о воспитании из ребят «писателей».

Я отвечаю:

1) Если до последнего времени на уроках литературы воспитывали читателей, и только читателей, то теперь этого делать нельзя. Наша обязанность, дав нужную со-

ветскую установку, научить подростка умению нападать и защищаться средствами речи.

2) Культура чтения, знание истории литературы — необходимы. Но человеку, умеющему говорить и писать, понимание значимости Пушкина, Толстого, Чехова будет даваться легче, быстрее; он несравненно скорее схватит и оценит их мысли и мастерство. И обратно: за немотой идет глухота (см. гл. в кн. «От маленького писателя — к большому читателю»).

В прошлом году, когда Вы были в литературном музее Вашего имени, я подарила Вам свою «Книгу о языке». Но та книга более академична и во многом устарела, эта более современна и заострена практически. Плановое осуществление систематической языковой культуры в школьном порядке кажется мне делом большой важности, и я иду с этим делом ни к кому другому, а к Вам, Алексей Максимович!»⁷³.

М. А. Рыбникова не случайно обратилась за советом к А. М. Горькому. В области руководства детским творчеством в их деятельности было много общего. Если Горький, обосновывая свой интерес к начинающим молодым авторам, признавал, что «литераторами будут единицы, но десятки и сотни станут грамотнее»⁷⁴, то и Рыбникова свою программную статью, посвященную творческой работе детей, назвала «От маленького писателя — к большому читателю». Если Горький настойчиво рекомендовал школьникам собирать пословицы, загадки, частушки и на их материале учиться народному языку, то и Рыбникова в ряде своих работ признавала колоссальное педагогическое и эстетическое значение народного творчества и на его материале строила свою преподавательскую работу. Так же, как и Горького, ее волновала засоренная жаргонизмами нелитературная речь учащихся и вслед за ним она ратовала за обогащение их словаря свежими, живыми, нестертыми словами.

Опасения М. А. Рыбниковой за постановку литературного образования школьников, несомненно, имели серьезное основание. Борьба методистки за повышение культуры речи детей заключала в себе большой смысл. К сожалению, положительный характер этой ее работы в значительной мере обесценивался в конце 20-х — начале 30-х годов ее ошибочными педагогическими установками.

В 1930 году М. А. Рыбникова издала для студентов-

заочникэв Московского педагогического института учебный курс «Методика преподавания литературы». В этой книге она стремилась осмыслить вопросы методики в их теоретической обусловленности и взаимной связанности. Еще на Всероссийской конференции словесников (1928) Рыбникэва сетовала на то, что научная методика у нас до сих пор не создана. «Мы завоевали литературу, — говорила она, имея в виду отмену комплексных программ, — но не завоевали методику»⁷⁵.

Книга М. А. Рыбниковой, представляя значительный интерес в отдельных своих частях, в целом не оказала заметного влияния на развитие методической науки. Наиболее ценными в книге были главы, подводившие итог многолетним исследованиям автора в области читательских интересов детей (глава «Читательские реакции учащихся»), приемов усвоения текста («Выразительное чтение»), изучения композиции («План произведения»), письменных работ («Сочинения»). Много полезного материала содержала глава о внешкольной работе словесника. Зато весьма нессвершенными были теоретические разделы пособия, заключающие в себе ряд ошибочных положений. Так, в книге признавалась «своевременной» теория «этмирования школы», принимался, хотя и с ограничениями, «метод проектов», имелись одобрительные упоминания о «тестах». Методика определялась как сумма методических приемов преподавания.

Влияние вульгаризаторских теорий чувствовалось и в трактовке задач преподавания литературы. «Логически мы объясняем течение жизни, ее кажущиеся чудеса и противоречия наукой. К разрешению этих же противоречий («Жизнь без начала и конца») ведет и искусство — своей музыкальностью, своим художеством». Отсюда делался вывод, равно неверный как в оценке Н. Г. Чернышевского и Л. Н. Толстого, так и по толкованию особенностей воздействия литературы на читателя: «Хоть Чернышевский идеологически сроден советскому читателю, а Толстой чужд, но увлечет его, как роман «Война и мир». «Что делать?» будет прочитано, но сила эмоционального воздействия, самого по себе, от страниц с описанием охоты, катания на тройках, любви Наташи, Бородинского или Шенграбенского боя — сила этого воздействия драгоценна, поскольку она организует, бодрит человека почти биологически, как организует танец».

Нечеткими являются и принципы расположения программного материала, рекомендуемые методисткой. Здесь и тематический принцип (младшие классы), и литературные параллели (средние классы), и история литературы (старший концентр). «Все принципы объединения материалов хороши, если они получают должное объяснение в истолковании литературы, как факта и фактора общественной жизни», — заявляет методистка.

Неверно трактуется в книге проблема историзма. «В историко-литературных курсах возможно построение и от настоящего к прошлому. Иногда не только возможно —желательно. Изучая Д. Бедного—пойти к сказке Пушкина, к басне Крылова, к стиху Некрасова. От Маяковского назад — к Пушкину и Лермонтову, к Некрасову и Блоку»⁷⁶.

Таким образом, «Методика преподавания литературы», созданная под перекрестным влиянием двух порочных концепций—теории отмирания школы и упрощенного, антиисторического понимания сущности и задач литературы, не могла выполнить задач, которые, по-видимому, возлагались на нее автором. Сказалась здесь также некоторая поспешность в работе над книгой.

В эти же годы М. А. Рыбникова совместно с Г. К. Бочаровым и А. А. Липаевым создала рабочие книги для сельских школ⁷⁷. В связи с работой над этими хрестоматиями она написала статью о принципах построения рабочей книги, заключавшую в себе ряд конкретных методических рекомендаций относительно построения учебной книги для средней школы⁷⁸.

8

1932 и последующие годы — годы больших раздумий и глубокой перестройки М. А. Рыбниковой как педагога и методиста. Постановления ЦК ВКП(б) по вопросам народного образования и литературы, ликвидация левацких перегибов в школьном строительстве и изжитие вульгарно-социологических теорий в области теории искусства и литературы — все это поставило Рыбникову перед необходимостью по-новому подойти к пониманию сущности художественной литературы и задач ее школьного преподавания.

Но и в этот период М. А. Рыбникова ведет большую научную работу. Ее деятельность 1932—1936 годов охва-

тывает многие области, и в каждой из них она оставляет свой памятный след.

В качестве старшего научного сотрудника секции детской книги Центрального научно-исследовательского института педагогики М. А. Рыбникова продолжает свою многолетнюю работу в области изучения читательских интересов детей. Этому вопросу она посвящает большую статью «Классики в детском чтении в прошлом и настоящем»⁷⁹. Новой в этой статье является попытка методически подойти к вопросу о детском чтении исторически. Впервые в ее работе мы встречаем имена Фенелона и Роллена, Рижского и Кошанского, В. Острогорского и Ц. Балталона. Исследуя в широком историческом плане теорию и практику детского чтения, она делает важные выводы о принципах отбора и издания книг для детей. Следует отметить, что проявленная Рыбниковой инициатива исторического изучения методики (правда, по одному, частному вопросу) предшествовала историко-методическим работам В. В. Голубкова, Д. К. Мотольской, А. П. Скляфтымова и автора настоящего очерка, появившимся в 1936—1938 годах.

В начале 1933 года М. А. Рыбникова в содружестве с С. М. Браиловской создает «Хрестоматию по литературе для начальной школы». В связи с этой работой она пишет ряд статей о методике чтения в начальной школе, о произведениях для детей А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, В. М. Гаршина, А. П. Чехова, В. Г. Короленко, о народных сказках как материале для чтения в начальной школе. Эти статьи она предполагает издать в виде отдельной книги⁸⁰. Основная идея, объединяющая весь цикл, состоит в том, что литературное образование и воспитание эстетического вкуса должны начинаться еще в начальных классах и что средняя школа должна продолжать работу, начатую в младшем возрасте.

Наиболее крупными трудами М. А. Рыбниковой рассматриваемого периода являются ее книги «Загадки» (1932) и «Введение в стилистику» (1937).

Сборник загадок является крупнейшим трудом М. А. Рыбниковой в области собирания устного народного творчества. Работа над этой книгой не была случайным эпизодом в ее научной биографии. Еще в своих ранних филологических и методических трудах она часто ссылалась на пословицы и загадки как источник народной

мудрости и подлинно народная речь. В 1928—1931 годах Рыбникова — одна и в сотрудничестве с Л. Е. Случевской публикует ряд статей о загадках и их педагогическом применении⁸¹. К загадкам она возвращается неоднократно и в последующие годы.

Книга включает в себе более 2000 загадок, расположенных по географическим районам и исполнителям и — отдельно — по тематическим отделам. Текстам предпослана большая вступительная статья «Загадка, ее жизнь и природа». Эта статья принадлежит к лучшим произведениям советской фольклористики.

Загадки, утверждает М. А. Рыбникова, в большинстве своем созданы в более или менее отдаленном прошлом и отражают трудовую практику крестьянина, преимущественно патриархального, ведущего натуральное хозяйство. Тематика загадки одновременно и широка и узка. В загадке фиксируются главным образом предметы крестьянского хозяйственного обихода — в этом смысле ее тематика узка. В ней нет широких обобщений, острых выводов. Но вместе с тем тематика загадки отличается широтой охвата всех сторон крестьянского быта. Объектом загадки служит все, что привлекает внимание живущего патриархальным бытом крестьянина и образует круг его «мироведения».

Загадка насковзь социальна. Она воплощает в себе не созерцание природы, не наблюдения со стороны, а производственный опыт человека, процесс его активного взаимодействия с природой.

Трудовой генезис загадки определяет и ее структуру. «Загадка или вскрывает происхождение предмета, или его функцию, или же дает всю его биографию, с начала до конца его бытия». «Во всем этом мы ощущаем ту стадию постижений явлений, когда человек еще далек от абстракций, когда для него не существует родовых понятий; но в мире конкретностей он живо ищет причин и следствий, исследует законы сцепления вещей и пути их жизни. Поэтические формы загадки раскрываются именно в этой их идеологической природе».

Вступительная статья, как и весь сборник М. А. Рыбниковой, ценны своим стремлением объяснить загадку по-горьковски, ее связью с производственными процессами, с человеком труда. Важно и умение методистки

раскрыть своеобразие загадки как явления стиля, в единстве и своеобразии ее содержания и формы.

Вместе с тем во всем содержании сборника видно, что он создан педагогом. Большое количество учителей среди корреспондентов Рыбниковой, наличие в сборнике группы сибирских детских загадок, выделение в особый раздел внефольклорных загадок, созданных школьниками, — все это отражает стиль работы педагога — общественника. Удачно раскрыта в книге «мироведческая роль загадки в педагогике»⁸².

Работа М. А. Рыбниковой «Введение в стилистику» выросла из ее «Книги о языке» и в значительной своей части является переработкой этого пособия. Но Рыбникова с большим основанием подчеркивает новизну последней своей книги и по ее задачам и по материалу.

Действительно, по своей целевой установке «Введение в стилистику» значительно отличается от предшествующих пособий М. А. Рыбниковой. Те были написаны в основном для учителей, новая книга предназначена и для начинающих писателей, в работе с которыми она и складывалась. В 1934—1935 годах М. А. Рыбникова печатает в журнале «Рост» серию статей по поэтике, предназначенных для молодых авторов. Несколько раньше (1929) в издании бюро заочного обучения при педфаке 2-го МГУ вышла ее книжка-конспект «Введение в поэтику», также связанная с новой ее работой. Таким образом, в последней книге Рыбниковой были суммарованы ее работы по поэтике и стилистике, написанные на протяжении длительного времени.

По сравнению с «Книгой о языке» «Введение в стилистику» представляет собой значительное достижение, но не в одинаковой мере во всех своих частях и разделах. Лучшее в книге — тонкие наблюдения над языком классиков и современных писателей, колоссальное количество примеров из Пушкина, Тургенева, Л. Н. Толстого, которых Рыбникова знала в совершенстве, а также из сочинений Державина, Гоголя, Тютчева, Блока, Маяковского, изобретательные и остроумные практические задания. Все это, может быть, в несколько меньшем объеме и менее совершенной редакции уже встречалось в «Книге о языке».

Есть в новой работе М. А. Рыбниковой и серьезные недостатки. Таковы упорные повторения марровских фор-

мулировок — о «диффузности первичных понятий», «палеонтологии речи», «законах функциональной семантики» и пр.⁸³. К счастью, концепция акад. Марра не стала основой исследования Рыбниковой — марровские формулы воспринимаются читателем «Введения в стилистику» как дань увлечения научной модой.

Безусловным шагом вперед в книге М. А. Рыбниковой является расширение ее проблематики (включение раздела о синтаксическом строе художественной речи), усвоение по ряду вопросов поэтики (о роли диалектизмов, о варваризмах) трактовок А. М. Горького, усиление элементов историзма почти во всех главах книги. «Введение в стилистику» в наши дни во многом устарело и не может служить учебником. Но как книга для чтения, как вспомогательное пособие оно доныне сохраняет свое значение.

1 апреля 1935 года Высшая квалификационная комиссия Наркомпроса утвердила М. А. Рыбникову в ученом звании действительного члена (профессора) Центрального научно-исследовательского института педагогики по специальности «современный русский язык»⁸⁴.

9

В 1938—1939 годах проф. М. А. Рыбникова с увлечением работает над созданием новых учебных программ, в частности по литературному чтению, для V—VII классов. Она возглавляет группу учителей и методистов, занятых подготовкой новой программы по литературному чтению, участвует в подготовке хрестоматии для V класса (работа над программой и хрестоматией велась параллельно), часто выступает на учительских совещаниях с докладами о проекте программ, проводит экспериментальные уроки по новому материалу в 46-й средней школе г. Москвы. Эту основную для себя работу М. А. Рыбникова совмещает с подготовкой (совместно с С. М. Браиловской) книги для чтения для карельской школы и составлением капитального сборника русских пословиц. В письме к автору этой работы от 3 апреля 1939 года М. А. Рыбникова писала: «Я сдаю сейчас карельские книги, русскую хрестоматию, сборник пословиц. Занята сверх меры»⁸⁵.

Однако главной литературной работой М. А. Рыбни-

ковой в это время было создание ее крупнейшего труда: «Очерки по методике литературного чтения». Отдельные главы пособия методистка печатает в журналах и сборниках⁸⁶. В главу книги — «Система письменных работ» она почти целиком переносит, правда, с большой переработкой, уже упоминавшиеся выше статьи о сочинениях, публиковавшиеся в 1929—1934 годах. Кое-какой материал перешел в новое пособие из других методических работ Рыбниковой. И тем не менее «Очерки» были свежим, оригинальным пособием, новаторским от первой до последней страницы. Можно без преувеличения сказать, что «Очерки» М. А. Рыбниковой принадлежат к числу наиболее совершенных, капитальных работ по русской методике, наряду с классическими пособиями для учителей Ф. И. Буслаева, В. Я. Стоюнина, В. И. Водовозова, В. П. Острогорского.

В своей книге М. А. Рыбникова не ставит перед собой задачу дать завершённую теорию методики. Но вопросы теории и истории преподавания литературы трактуются в ней широко и смело. «Методика, как теория одного из самых ответственных трудовых процессов — работы учителя с учениками на школьных уроках, должна выйти из стадии эмпиризма и стать основным разделом педагогики как науки», — заявляет Рыбникова. Опираясь на обстоятельное изучение истории преподавания литературы в дореволюционной и советской школе, она утверждает, что методика в каждую данную эпоху связана с политической системой государства, в частности с его школьной политикой. Особенно тесной, идейно осознанной становится эта связь в советское время. «...Наша методика вырастает только в результате нашего сознательного отношения к общественно-воспитательным задачам нашей школы»⁸⁷.

Методику преподавания литературы М. А. Рыбникова рассматривает как педагогическую дисциплину, сложившуюся в течение последних ста лет (начиная с книги Ф. И. Буслаева «О преподавании отечественного языка») в результате органического синтеза трех факторов: природы учебного предмета, целей воспитывающего обучения и особенностей детского восприятия и поведения. В различных формулировках Рыбникова по-разно-

му переставляет эти три первоэлемента методики, подчеркивая их принципиальную равноценность. И все же исходным началом в педагогическом процессе для нее является учебный предмет — литература. «Искусство учителя — это умение в педагогическом процессе реализовать передачу знания, соответственно задачам школы и в форме, доступной и плодотворной для учащихся». Поэтому М. А. Рыбникова, вслед за В. П. Острогорским, придает определяющее значение в преподавании литературной подготовке учителя. «Учитель, который не умеет работать в области своей специальности, не найдет материал и для живой его передачи ученику»⁸⁸, — заявляет она и приводит многочисленные примеры того, как крупные ученые-литературоведы превосходно работали в школе и для школы, а одаренные учителя успешно подвизались в области литературной науки.

Советская методика должна в полной мере учитывать особенности литературы. «Задачи коммунистического воспитания мы должны осуществлять на материале литературы и по возможности ее методами». Литература — это орудие познания мира, жизни человека и жизни общества. Это — великая школа мировоззрения. Литература — могучее средство воспитания эстетической восприимчивости и хорошего вкуса, воображения и мышления, чувства и воли. Наконец, на литературном материале могут быть наилучшим образом воспитаны навыки чтения, рассказывания, письма, культуры речи вообще. Таковы воспитательные возможности литературы, и они должны быть полностью учтены и использованы в процессе преподавания.

Итак, «претворение множества знаний и явлений во всех их элементах в систему целостных уроков — такая самостоятельная и специфическая задача методики»⁸⁹. В основу научно поставленного педагогического процесса должна быть положена система литературных знаний, соответствующим образом отобранных, расположенных и истолкованных.

Характер претворения литературы как предмета преподавания в систему уроков определяется задачами советской школы и особенностями детского возраста. М. А. Рыбникова глубоко восприняла поставленную советской педагогикой задачу воспитания коммунистически созна-

тельных, всесторонне развитых, творчески активных людей, строителей нового общества, умеющих применять свои знания к практике жизни. В свете задач коммунистического воспитания она стремится осмыслить каждую проблему методики, начиная с ее основополагающих принципов и кончая частными приемами преподавания.

Большое значение придает методистка личности учащегося. Как известно, она всегда стремилась тщательно, путем эксперимента, изучать склонности и интересы школьников, их возрастные возможности, чтобы на этой основе научно строить педагогический процесс.

М. А. Рыбникова яростный противник методического формализма, изучения того, что ученик неспособен почувствовать и понять. Но она возражает и против чрезмерного облегчения программы и преподавания. В главе «Уроки» своей новой книги она нарочито помещает такие трудные произведения, как «Арап Петра Великого» А. С. Пушкина (V класс), «Чапаев» Д. А. Фурманова (VI класс), «Мать» А. М. Горького (VII класс). «Раздающиеся иногда жалобы на то, что программа перегружена, — подчеркивает она, — необходимо парировать прежде всего соображениями идеологического порядка; мы не желаем и не будем воспитывать недоучек в наших школах; литературная начитанность, прочная языковая культура необходима советскому ребенку, и мы обязаны сделать все, чтобы литературное наследство было передано молодому поколению. Трудности должны быть преодолены».

Пути преодоления трудностей в усвоении литературных знаний должны быть найдены как в самой литературе, дающей живые, наглядно чувственные, волнующие картины близкой юношеству жизни, так и в многообразных методических приемах, которыми располагает современный учитель. «Если наша программа, — подчеркивает методистка, — не является легонькой и простенькой, если она сложнее и больше программы дореволюционной школы (а это именно так), то ведь и наши педагогические методы сложнее и эффективнее»⁹⁰.

Предлагаемые М. А. Рыбниковой методические пути

приближения литературы к уровню учащихся можно кратко изложить в следующих тезисах.

Литература в школе должна быть тесно связана с жизнью. К усвоению произведения нужно идти от окружающей ученика действительности, от его живых впечатлений, предшествующего опыта. М. А. Рыбникова приводит немало случаев, когда отталкивание от ранее виденного или прочитанного учеником, создание у него ярких ассоциаций по-новому освещало и как бы вновь открывало литературное произведение. «Экскурсия в природу — и тут же сочинение на тему «Осень», посещение «Ревизора» в театре — и беседа в классе о театральной постановке, о героях пьесы и о ее построении, посещение картинной галереи или изучение портретов Репина и Крамского по репродукциям в классе — работа над характеристикой Пугачева и Гринева», — так рисует Рыбникова путь ученика от жизненных впечатлений к классной работе. И, наоборот, от произведения, глубоко пережитого и воспринятого, ученик должен вновь обратиться к жизни, которая теперь раскрывается перед ним шире и ярче, чем раньше. «Юноша, читающий о борьбе Мцыри с барсом, ощущает свое участие в этой борьбе, он переживает радостное для него напряжение, он чувствует и предчувствует свою силу и свои возможности, он совершенно осязательно готовится к жизни»⁹¹. Такая органическая связь с жизнью делает изучение литературы жизненно необходимой потребностью и облегчает преодоление трудностей при анализе сложного произведения.

Усвоение произведения должно идти от непосредственного восприятия к интеллектуальному осмыслению. М. А. Рыбникова придает колоссальное значение эмоциональному восприятию текста. Она справедливо утверждает, что первоначальное знакомство с писателем, первая встреча с ним сплошь и рядом определяют на долгие годы отношение к нему ребенка и юноши. Но, высоко ставя «сопереживание» как первый, начальный этап знакомства с произведением, Рыбникова придает особое значение и последующему анализу текста. «...В литературе поучительным является и тот путь, тот мыслительный процесс, которым автор идет к своим выводам». Прodelать вместе с писателем этот путь — зна-

чит проникнуться его замыслом, пройти вместе с ним курс художественного мышления, органически, но вместе с тем и критически воспринять его образы и идеи, его творческую манеру. Такому глубокому усвоению литературы и призвана помочь школа, учитель.

Важнейшей задачей литературного чтения является усвоение системы теоретических знаний, основ литературной науки. Наиболее соответствующим характеру и способностям учащихся V—VII классов является такое изучение элементов теории, когда «преобладает индукция, от частного к общему: от чтения басен — к определению басни, от практики описания и повествования — к теоретическому различению этих литературных форм, от переживаний большого эмоционального порядка — к общим рассуждениям о роли писателя в жизни общества»⁹². Теоретические обобщения должны явиться результатом наблюдений над произведением и его компонентами.

Конкретные методы изучения литературы следует избирать с учетом специфики произведения. «Методика усвоения должна подсказываться объемом материала, жанром, уровнем трудности, отношением учащихся к произведению»⁹³. Лирическое стихотворение должно быть выразительно прочитано. Драматическое произведение следует читать по ролям, смотреть на сцене. Изучение романа полезно сопроводить художественной иллюстрацией.

Сложность построения урока в классе требует соответствующей гибкости и многообразия учебных методов. В младших классах необходимость в частой смене методических приемов вызвана неустойчивостью детского восприятия: «в V классе необходимо в течение часа и поговорить, и почитать, и пописать». Но, независимо от этого, применение сложного комплекса методов вызвано необходимостью осветить разные стороны произведения, привить на его материале различные навыки. Так, в V классе при изучении «Почести о нашествии Батыя на Рязань» М. А. Рыбникова рекомендует следующие приемы: «зрительный материал, исторический комментарий, двукратное чтение, ответы на вопросы, собственные иллюстрации учащихся, лозунги»⁹⁴. При этом она тре-

бует тщательной дозировки не только изучаемого материала, но и приемов изучения.

Одним из важнейших путей облегчения восприятия литературы в школе является систематичность обучения. Мы уже видели, что М. А. Рыбникова, столь явно недооценивавшая в начале своей методической деятельности урок как форму занятий, теперь определяет методику как дисциплину, претворяющую знания в систему уроков. «...Методика боится случайности, бессистемности, неосознанности в поступках учителя, — заявляет она. — Только при наличии системы во всех педагогических мероприятиях предмет становится для ребенка понятным, любимым, плодотворным. Но почему же он так часто не доходит до ребенка, не волнует его и не воспитывает? По причине отсутствия системы в работе учителя»⁹⁵. Излагать учебный предмет в системе, значит, излагать его в возрастающей трудности — от простого к сложному, от фактов к выводам, от констатации отдельных явлений к вскрытию их внутренней логики. Система должна быть во всех звеньях учебной работы, касается ли дело приобретения знаний (например, по теории литературы), умений (например, анализировать произведения различных жанров) или навыков (например, выразительного чтения).

«Дозировка — одна из основы дидактики», — утверждает М. А. Рыбникова. Нельзя перегружать учащихся работой. Поэтому в «Очерках по методике литературного чтения», как и в некоторых предшествующих своих работах, она выступает против постановки на одном произведении многих проблем или рассмотрения данной проблемы на всем материале большого произведения: «нельзя все проходить с одинаковой мерой глубины»⁹⁶. В частности, Рыбникова полагает, что в ряде случаев полезнее обстоятельно разобрать один образ произведения, чем бегло рассмотреть всю их совокупность, тщательно изучить композицию одной главы повести, нежели поверхностно судить о ее строении в целом.

Преподавание литературы осложняется и в том случае, когда те или иные методы работы (устный пересказ, письменные работы) рассматриваются только или преимущественно как метод контроля. Любой учебный метод в руках опытного учителя может и должен быть

средством проверки знаний учащихся. Но в основе каждого метода должна лежать образовательная направленность, каждый метод должен прямо содействовать целям обучения. Нельзя не признать актуальности этого утверждения в наши дни, когда в практике иных учителей-словесников проверка знаний занимает большую часть урока.

В своих «Очерках по методике литературного чтения» М. А. Рыбникова отводит большое место внеклассной и внешкольной работе в их органической связи с учебной работой в классе. Экскурсии в природу и на производство, походы в театры и музеи, ученические кружки и детские клубы, обсуждения и диспуты, работа по созданию школьной выставки и литературного кабинета, широкая система организации внеклассного чтения, — все это органически включается ею в систему образовательных и воспитательных средств, которыми должен пользоваться учитель.

Вся эта совокупность методических принципов и приемов скрепляется в работе М. А. Рыбниковой обязательным для нее требованием избегать шаблона в работе, искать во всем новое, искать и находить свой, особый ключ, а не отмычку, к каждому произведению, к классу, к отдельному ученику. «Методика — это умение беречь время, умение умно расходовать силы ученика, умение находить в учебном материале основное и главное, искусство организовывать труд коллектива, каким является класс, это система рассчитанных воздействий на различные индивидуальности учеников»⁹⁷.

Рассмотренные выше принципы обучения, излагавшиеся М. А. Рыбниковой с той или иной степенью отчетливости в ее предшествующих сочинениях, здесь приведены в теоретически осознанную и ясную форму.

Справедливо подчеркивая педагогически обусловленный характер этих принципов, Рыбникова концентрирует их вокруг четырех основных дидактических правил.

Первое дидактическое правило. Обучение должно быть воздействующим на различные стороны восприятия учащихся, на различные органы чувств и на разные сферы сознания; это требование должно одновременно

отвечать нормам здоровой дозировки этих впечатлений, их устойчивости и постоянству.

Второе правило. Учащиеся должны ясно понимать поставленную задачу, предъявленные им учителем требования, участие учителя в разрешении поставленной задачи, характер работы класса и степень своей личной ответственности в этой общей работе.

Третье правило. Искусство методиста должно заключаться в том, что сложное показывается в простом, новое в знакомом, а в старом узнается нечто новое.

Четвертое правило. Диалектически соединяя дедукцию с индукцией, учитель обеспечивает в итоге стройность и систематичность знания и тем самым воспитывает сознательный подход к жизни, соединение теории с практикой.

К характеристике методики литературного чтения М. А. Рыбникова подходит исторически. Принципы новой программы она рассматривает в сопоставлении с предшествующими направлениями преподавания литературы в дореволюционной и советской школе.

В дооктябрьской школе М. А. Рыбникова особо выделяет четыре таких направления.

Это прежде всего филологическое чтение, предложенное еще в 40-х годах XIX века Ф. И. Буслаевым. Некоторыми своими сторонами (вниманием к тексту литературного памятника, чутким отношением к языку) методика Буслаева импонирует М. А. Рыбниковой, и влияние этого ученого явно ощущается в ее филологических работах. Но методическая система Ф. И. Буслаева в целом, с характерной для нее недооценкой идейно-образной специфики литературы, отвергается Рыбниковой. «...Нельзя не признать этого метода односторонним и более поучительным для уроков грамматики, нежели для уроков литературы», — справедливо утверждает она.

Столь же неприемлемо для методистики объяснительное чтение, получившее распространение во второй половине XIX века. Признавая историческую прогрессивность этого направления, боровшегося с механическим чтением и заучиванием, Рыбникова отмечает в нем принципиальный недостаток: «Художественное произведение умирало, и живое слово изгонялось из школы». Сообщая детям, преимущественно в начальной школе,

некоторые общеобразовательные знания, объяснительное чтение имело определенный смысл в прошлом. В условиях же современной школы и особенно в старших классах этот смысл им полностью утрачивается.

Решительно отрицает М. А. Рыбникова так называемое «имманентное» чтение, чтение как таковое, вне анализа и теоретических обобщений. Некогда, в начале своей учительской деятельности, она сама увлекалась подобным чтением. Ныне оно для нее неприемлемо. «Мы не отделяем на наших уроках самой литературы от ее элементов, от основ науки о литературе», — твердо заявляет методистка.

С большим сочувствием М. А. Рыбникова отзывается о наследии В. Я. Стоюнина, В. И. Водовозова, В. П. Острогорского, методику которых она считает «близкой и понятной нам системой взглядов». Но то, что «для методиста этого периода еще нет науки о литературе», отделяет ее и от методики 60—80-х годов. Исходя из коренных принципов советской педагогики, она требует, чтобы на уроках литературы учащимся сообщались «основы наук»⁹⁸.

Критически относится М. А. Рыбникова и к предшествующим учебным программам советской школы. Прежние программы, подчеркивает она, предлагали школе либо обществоведческое, внелитературное чтение (до 1927 года), либо социологизаторско-упрощенный историко-литературный курс (до 1938 года), и к концу 30-х годов изжили себя.

В курсе литературного чтения М. А. Рыбникова подчеркивает два основных момента.

Предметом изучения в V — VII классах должен быть не литературный процесс, не творческий путь писателя, а художественное произведение, совершенное по своим качествам, доступное детскому возрасту и раскрывающееся перед учащимися во всем своем художественном обаянии, в полноте своих образовательных, воспитательных и эстетических качеств. «Литературное чтение не имеет задачи охватить ход и развитие нашей литературы, оно готовит читателя, воспитывает в детях любовь к сокровищам родного слова, оно воспитывает чувство и волю, формирует сознание».

«Раскрытие идейно-тематической полноты произведе-

ния в его языке и в его композиции — вот вторая сторона нашей работы», — утверждает далее методистка⁹⁹. В курсе литературного чтения центр тяжести переносится с истории литературы на вопросы теории, выяснение природы художественного произведения, его социальной обусловленности и художественного значения, его структуры.

Особое место в литературном чтении должно быть уделено занятиям по языку. Возвращаясь к мыслям, высказанным ею в начале 30-х годов в письме к А. М. Горькому, Рыбникова связывает с принципами литературного чтения свои давние думы о воспитании речевой культуры учащихся.

Характерным образцом методической реализации принципов литературного чтения может служить помещенный в книге разбор «Песни о вещем Олеге» (VI класс).

В начале разбора методистка, чтобы приблизить к детям эпоху Олега, рисует картину быта и нравов его времени и воспроизводит по летописи героическую историю жизни первого киевского князя. Попутно характеризуется набор вооружения Олега и объясняются непонятные детям слова древнего языка. Так, в живой беседе с детьми дается исторический и реальный комментарий к трудному для них тексту.

Какими средствами приближает Пушкин к нам то, что происходило 900 лет тому назад? — спрашивает методистка.

В беседе учащиеся воспроизводят наиболее яркие места баллады, углубляя тем самым свое эмоциональное восприятие произведения. В процессе обсуждения намечаются его наиболее драматические моменты — завязка и развязка.

Следующая затем характеристика образов строится на идейном осмыслении языковой формы баллады — ее лексики и изобразительных средств. В результате детального разбора перед учащимися вырисовываются во всей своей характерности образы Олега и кудесника. Выясняется свободолобивая позиция самого Пушкина, которому так близок и родственен был правдивый и свободный язык мудрого старца кудесника.

Если до сих пор Рыбникова пользовалась анализом

языковых средств как методом раскрытия содержания и идейного смысла баллады, то теперь она переходит к анализу собственно языка произведения.

Сопоставляется ряд слов с общим корнем:

Незримый — необозримый.

Чело — челка.

Седло — сосед.

Из текста выделяется ряд существительных и прилагательных и выясняются оттенки их смысла сравнительно с синонимическими выражениями (враг, недруг, противник, неприятель).

Сопоставляются эпитеты в рукописи и в законченном тексте и выясняется характер работы поэта над языком.

Вслед за этим стихотворение заучивается наизусть, выразительно читается по тексту и на память. Далее учащиеся составляют план баллады по строфам, озаглавливают каждую строфу и прочитывают ее так, чтобы тон чтения соответствовал заголовку (например, «Гордый ответ кудесника»). Так учащиеся глубоко усваивают смысл и структуру стихотворения, одновременно приобретая (или совершенствуя уже приобретенные) навыки чтения, рассказывания, составления плана.

Легко убедиться, что при всем своем многообразии методические приемы М. А. Рыбниковой связаны преимущественно с выразительным чтением, планированием, письменными упражнениями. Об этом пишет сама методистка: «В нашей методике литературного чтения мы ставим своей задачей дать учителю умение работать над темой произведения, над его персонажами, над ходом действия, над его языком и композицией... с помощью чтения, плана, пересказа»¹⁰⁰. Обратимся к рассмотрению этих методов.

Выразительное чтение — индивидуальное и коллективное — М. А. Рыбникова считает основой восприятия художественного произведения в V—VII классах. От выразительного чтения лежит прямой путь к анализу языка: художественное слово, выразительно прочитанное, глубже воспринимается учеником. Хорошо прочитанный текст легко пересказать, мастерство чтения родственно мастерству пересказа. Умелое чтение в какой-то мере заменяет литературный разбор и уж во всяком случае облегчает его проведение. Подготовка к чтению

связана с осмыслением отдельных элементов произведения, его структуры и жанра. От выразительного чтения произведения легко перейти к самостоятельному творчеству в духе прочитанного текста. В особой главе Рыбникова приводит образцы разнообразного применения выразительного чтения в связи с различными формами изучения литературного произведения.

М. А. Рыбникова не ограничивается изложением принципиальных вопросов выразительного чтения, она обстоятельно характеризует существо работы, приемы обучения чтению в их постепенном усложнении от V к VII классу. Требование систематичности обучения и в этом случае является для нее основным, определяющим успех дела.

Не меньшее значение придает М. А. Рыбникова работе над планом. Тщательно составить план произведения, утверждает она, значит, понять его содержание, проникнуть в его композицию, усвоить его язык. Вместе с тем «план — это отчет о прочитанном», он отражает степень понимания учащимся текста и степень его усвоения. Наконец, работа над планом — полезное средство сплочения учителя с коллективом класса. «...Задача сводится к тому, чтобы учитель, вызвав к жизни работу мысли учащихся, работал и сам вместе с ними»¹⁰¹.

Поражает изобретательность М. А. Рыбниковой в разработке типов плана и форм работы над ним: планы простые и сложные, раскрывающие временное чередование действия и причинную связь событий, выраженные словами ученика или речью автора, в форме повествовательных, вопросительных или назывных предложений... В трех колонках плана «Человека в футляре» параллельно раскрывается развертывание темы, идеи и композиции произведения, в двух планах «Песни о купце Калашникове» прослеживается тематическое содержание поэмы и ее идейная направленность.

Наряду с анализом композиции произведения большое место в книге Рыбниковой занимает система работы по языку. Этими занятиями методистка преследует ряд принципиальных задач.

Занятия по языку, утверждает М. А. Рыбникова, призваны обогатить язык учащихся новыми словами и обо-

ротами, расширить их словарь, познакомить со стилями народной литературно-художественной и научной речи. На уроках литературного чтения ученики должны в доступных им формах усвоить важнейшие закономерности жизни языка, воспринять язык как элемент истории культуры. Наконец, учиться языку, значит, учиться пользоваться языком, применять полученные знания в повседневной жизни. Так занятия по языку становятся «серьезнейшей работой воспитательного порядка».

Ценнейшей особенностью предложенной М. А. Рыбниковой методики является ее систематичность. Изучение языка она мыслит как «систему накопления слов и оборотов от класса к классу»¹⁰². Эта система должна определяться программой соответствующего класса и психологическими особенностями учащихся.

Специальную главу М. А. Рыбникова посвящает методике письменных работ учащихся. Превосходно разработаны здесь разделы, посвященные изложениям и характеристикам. В главе обстоятельно рассматриваются два вида изложения: 1) подробный пересказ, приближающийся к языку произведения, и 2) пересказ краткий, близкий к плану. С ними непосредственно сближается усложненное изложение, включающее в себя элемент рассуждения, анализа. Таковы темы «Почему чиновники приняли Хлестакова за ревизора?», «Какова развязка рассказа «Человек в футляре» и является ли она неожиданной?», «Поведение Челкаша и Гаврилы во время выезда в море». Усложненным изложением Рыбникова называет такой пересказ, «когда учащиеся в своем плане отступают от плана произведения, когда они, установив порядок частей, показывают логику этих связей; когда они подают цитаты, рассуждая о них, комментируя их, когда они приходят, наконец, к каким-то выводам»¹⁰³. Такие пересказы-рассуждения применимы главным образом в VII классе. От наиболее легких, представляющих собой выборочный пересказ текста (например, «Положительные стороны Пугачева, показанные в «Капитанской дочке»), эти письменные работы могут усложняться до анализа, раскрывающего внутренний смысл произведения (например, «Гнев и сострадание», по стихотворению Некрасова «Рассуждение у парадного подъезда»). Среди подобных тем свое законное, но да-

леко не исключительное место должны занять традиционные характеристики образов.

Большое значение придает М. А. Рыбникова формулированию темы. Популярные в школе характеристики она рекомендует брать в каком-нибудь необычном повороте (например, «Отец Вареньки на балу и он же на плацу»), чтобы увести ученика от стандартной разработки темы.

К любому виду изложения должна быть проведена большая подготовительная работа. Так, пространному пересказу эпизода свидания Гринева с Пугачевым («Капитанская дочка», глава «Незванный гость») М. А. Рыбникова предпосылает беседу, в которой устанавливает связь между этим эпизодом и всей главой, а также главами «Сержант гвардии», «Вожатый», «Пугачевщина», «Приступ». Эти связи продумываются учащимися в процессе чтения отрывка учителем и тщательно выясняются в последующей беседе. Далее учителем ставится вопрос «Что дает беседа Гринева с Пугачевым для уяснения характера каждого из героев?», и ученики, читая текст абзац за абзацем, коллективно комментируют его под указанным углом зрения. При этом осмысливаются отдельные детали изложения, характерные обороты, изобразительные средства языка. В результате углубленного вчитывания в текст учащиеся настолько проникаются не только его содержанием, но и словесной формой, что оказываются в состоянии пересказать его устно, а потом и письменно с соблюдением всех существенных особенностей стиля писателя.

Разумеется, подобную скрупулезную работу над текстом можно проводить только выборочно, время от времени. Но каждый раз такой разбор будет обогащать учащихся умением вчитываться в произведение и чутко улавливать богатство его эстетического содержания.

Подробно рассматривает М. А. Рыбникова виды творческих сочинений. Особый интерес представляет разработанная ею методика сочинений на материале экскурсии и по мотивам устного народного творчества (загадок). Опыт проведения этих сочинений в полной мере оправдал себя и сохраняет свою ценность доныне. Поучительна также практика работы Рыбниковой над

творческими сочинениями, изложенная в главе «История пяти дорог».

Впрочем, ряд приемов работы над творческими сочинениями, рекомендуемых методисткой, не может удовлетворить современного учителя. Таковы игры «В три образа» и «Одевание куклы», поощряющие у учеников произвольные домыслы, беспочвенное фантазирование. Сомнительны и по существу и по методическому оформлению схемы «настоящих людей», сочиняемые учениками. То, что в этих случаях М. А. Рыбникова пользовалась непереработанным материалом своих давних статей, не могло не сыграть отрицательной роли.

В центр всей работы по литературе в V—VII классах М. А. Рыбникова ставит изучение вопросов теории литературы. Теория призвана помочь учащимся осмыслить и привести в систему знания по литературе, полученные ими на протяжении трех лет. «Мы пронизываем теоретическим принципом все этапы и формы чтения в V—VII классах, мы поднимаем чтение на принципиальную высоту, делаем его литературным», — заявляет методистка.

Для курса литературного чтения М. А. Рыбникова устанавливает четыре «сквозные теоретико-литературные темы», которые должны проходить, постепенно усложняясь, через все три года.

1. Общественная природа писателя; политическая значимость литературы; познавательное значение литературы. Тема, идея; тип.

2. Литературный язык, изобразительные средства языка. Художественная речь как выявление внутреннего замысла автора.

3. Построение произведения; композиция как метод раскрытия темы. Ход действия в произведении. Образ-персонаж. Система образов в произведении.

4. Основные литературные роды и виды. Их идейно-художественные признаки.

Знания по теории литературы должны явиться обобщением читательского опыта учащихся, их повседневной работы над художественными текстами. С другой стороны, теоретические знания должны применяться в творческой работе учащихся. «Средствами теории литературы, — поясняет Рыбникова, — мы вводим школьника в

культуру чтения и в культуру словесного творчества — одновременно»¹⁰⁴.

Как и в начале своей педагогической деятельности, М. А. Рыбникова утверждает, что «главная польза не в определениях, а в усвоении того, что под определениями заключается». Но теперь она полагает, что «определения нужны и полезны», если они даются не догматически, а выводятся из конкретного материала, являясь его обобщением. Нужен и учебник по литературе, закрепляющий постепенно накапливаемые учащимися знания.

Высказывания М. А. Рыбниковой по вопросам преподавания теории литературы представляют собой творческое продолжение работы прогрессивных методистов 60-х годов. — В. Я. Стоюнина и В. И. Водовозова, сочинения которых тщательно изучила и глубоко восприняла выдающаяся советская методистка¹⁰⁵.

Характеризуя «Очерки по методике литературного чтения», мы ни в какой мере не ставили перед собой задачу исчерпать содержание этой работы. Мы хотели только продемонстрировать многообразие методических материалов и идей, заключенных в ней, и по возможности мотивированно показать ее значение для современного преподавания литературы.

10

Как уже указывалось, к 1938—1939 годам относится подготовка М. А. Рыбниковой сборника пословиц и поговорок. К сожалению, из-за начавшейся войны и последовавшей вскоре затем смерти М. А. Рыбниковой этот сборник до сих пор не издан. Но нам хотелось бы привести здесь некоторые неизвестные материалы, характеризующие Рыбникову как собирательницу народного творчества.

29 ноября 1938 года в письме к автору настоящего очерка М. А. Рыбникова просила подобрать небольшую группу студентов, которые согласились бы записывать пословицы, в частности зафиксировать свой собственный пословичный «репертуар». К письму была приложена статья собирательницы, напечатанная в многотиражной

газете, кажется, Института журналистики, о том, как собирать пословицы, и записи пословиц, сделанные одним московским студентом. В письме об этом было сказано следующее:

«В газетной статье изложены способы собирания. Хорошо бы приохотить к этому делу двоих-троих студентов, чтобы они записывали себя; для соревнования высылаю им записи московского студента Елагина (взямича по рождению). Затем эти же студенты во время зимних каникул могли бы провести работу у себя в деревне или на заводе.

Мне интересно путем этих записей получить следующее: 1) Пословичный репертуар Среднего Поволжья. 2) Пословицы советской молодежи и колхозников края. 3) 2—3 личных репертуара — студенческих, колхозных, рабочих — что удастся заполучить. 4) Список детских поговорок г. Куйбышева и его деревни.

Это, конечно, программа-максимум. Думаю, что для студентов это полезно, и думаю, что они не откажутся»¹⁰⁶.

Три выделенных студента хорошо выполнили задание М. А. Рыбниковой. Особенно поразил ее колоссальным по количеству и превосходным по качеству списком пословиц студент (ныне преподаватель Магнитогорского педагогического института) В. И. Анисимов. В завязавшейся переписке, длившейся более двух лет, до начала Великой Отечественной войны, М. А. Рыбникова тщательно консультировала молодого собирателя, наводила у него десятки справок по поводу тех или иных неясных по смыслу пословиц, побуждала продолжать работу в области собирания народного творчества, ставя перед ним все новые задачи.

В письме к В. И. Анисимову от 15 июня 1939 года М. А. Рыбникова писала:

«Я веду две работы: 1) Собрание современных пословиц и поговорок. 2) Исследование «Природа и жизнь пословицы». Для второй книги я собираю индивидуальные репертуары пословиц. Среди других глав этой второй книги будет глава о том, как совершенно конкретно бытуют у нас пословицы, как различаются пословицы по районам, по социальной среде, по возрастам. По этой причине я и прошу выделять бабушек и прочих».

М. А. Рыбникова намеревалась также переиздать свое

«собрание загадок, дополнив его новыми материалами, в частности, из мест, где их записывал еще в прошлом веке известный собиратель Д. Н. Садовников. По-видимому, она ставила перед собой и исследовательскую задачу — установить изменения в содержании загадок за полвека¹⁰⁷.

Интерес к пословицам и поговоркам нашел широкое отражение в литературной работе М. А. Рыбниковой. В методическом сборнике Наркомпроса она помещает статью для учителей — «Уроки по загадкам и пословицам в V классе»¹⁰⁸, одновременно она пишет исследовательскую статью о русских поговорках¹⁰⁹ и обзор пословиц, бытующих в Карелии¹¹⁰. Знаменательно, что и в посмертно опубликованной статье М. А. Рыбниковой «Разговорная фразеология в языке Маяковского»¹¹¹ своеобразно преломляется ее работа над пословицами. Статья представляет собой анализ использования пословиц, поговорок и других фразеологических сочетаний в языке крупнейшего советского поэта. Можно предположить, что все названные статьи, включая статью о Маяковском, предназначались для задуманного Рыбниковой исследования.

Закончив в 1940 году свои очерки по методике литературного чтения, М. А. Рыбникова сразу же начинает работать над курсом методики преподавания литературы в старших классах. Эту работу, начатую в Москве и продолженную после начала Великой Отечественной войны в Свердловске, Рыбниковой так и не удалось довести до конца. Но опубликованные в печати две главы будущей книги свидетельствуют о том, что задумана она была широко и смело.

В статье «Герои и события в произведении» М. А. Рыбникова ставит вопрос об изучении теории литературы в старших классах. Вопросы литературной науки, утверждает она, должны изучаться на протяжении всего курса, обобщая в теоретических формулировках конкретные наблюдения учащихся над темой, образами, сюжетом и другими компонентами произведения. Изучение теории литературы не должно вестись отдельно от конкретного анализа произведения и творчества писателя, а сопровождать весь процесс этого анализа. Рассмотрение произведения в его конкретно-исторических стилевых качествах и теоретические обобщения относительно отдель-

ных его особенностей должны составлять две стороны единого целого и вестись в неразрывном единстве.

В частности, в рассматриваемой статье М. А. Рыбникова ставит вопрос об изучении образа-персонажа в единстве с системой событий, в которых он раскрывается. Она сетует на «исключительное внимание к герою и совершенную недооценку событий произведения», на то, что «характеристики вытесняют все другие виды работы». «Наше современное литературоведение, а за ним и методика не развивают в должной мере теории сюжета, композиции, умаляют динамику образа, замалчивают диалектическую природу образа». Поэтому она настаивает на том, чтобы «единство событийной линии с линией типажа» стало определяющим принципом в изучении литературы. Разбор произведения «от анализа эпизодов к персонажам» может вестись и в процессе составления плана произведения, и путем упражнения в пересказах, и посредством обсуждений и диспутов, и на материале критических статей¹¹².

Немало конкретного материала заключает в себе и вторая статья М. А. Рыбниковой «Письменные работы по литературе в старших классах». Методистка отвергает сочинения, лишенные жизненного содержания, представляющие собой голые упражнения в форме. «...Сочинения являются одним из самых могучих, одним из самых активных и результативных методов воспитания и образования», — утверждает Рыбникова, но для этого они должны быть основаны либо на жизненных наблюдениях, либо на материале литературы и смежных с нею искусств. Реальные впечатления должны лежать в основе сочинения не только потому, что им определяется реалистический характер самого сочинения, но и потому, что такой материал вызывает к себе активное, деловое отношение со стороны школьника. «Нужно помочь подростку, пассивно воспринимающему материал, активно и сознательно отнестись к объекту»¹¹³. Надо идти к слову от жизни, тогда и само слово будет жизненным.

Среди историко-литературных тем, рекомендуемых методисткой, обращают на себя внимание следующие.

1. Сочинения, посвященные мотивировке поступков героя и важнейших эпизодов, их характеристике в связи с эпохой и психологией героев. Например, в VIII классе—

«Почему Чацкий был объявлен сумасшедшим?», «Как объясняет Пушкин причины дуэли Онегина и Ленского?» или в IX классе — «Подготовлен ли зритель к развязке «Грозы»?», «Внутренняя причина смерти Базарова».

2. Анализ тематики произведения. Например, «Грубость и невежество семьи Простаковых».

3. Анализ идейного замысла автора. Например, заголовки классического произведения как тема письменной работы («Гроза», «На дне») или заголовок-афоризм («Человек -- это звучит гордо»).

4. Анализ жанра и языка произведения. Например, «Поэма Пушкина и роман Пушкина», «Речь Кабанихи и язык Катерины».

5. Историко-литературные параллели. Например, «Татьяна Ларина и Маша Гринева», «Тургенев и Чернышевский о новом человеке 60-х годов».

Работа М. А. Рыбниковой над созданием курса методики преподавания в старших классах далеко еще не была завершена. Но и по ее началу видно, что методистка рассчитывала и имела все основания рассчитывать на создание капитального пособия, обобщающего всю ее более чем 30-летнюю работу в области методики. К сожалению, этому замыслу не суждено было осуществиться.

11

В июле 1941 года, после начала Великой Отечественной войны, М. А. Рыбникова поехала в Тюмень, куда была направлена Наркомпросом для работы в педагогическом институте. Но из-за болезни своих домашних (М. А. имела приемную семью, состоявшую из учительницы-словесницы Л. Е. Случевской и ее матери) она принуждена была по пути остановиться в Свердловске, где и осталась.

За девять месяцев работы в Свердловске, в тяжелых материальных и бытовых условиях военного времени, М. А. Рыбникова оставила в культурной и особенно педагогической жизни города глубокий след.

Большую работу проводила методистка в педагогическом институте, где она, наряду с основным для нее курсом методики, вела устное народное творчество

стилистику. Систематические занятия по методике проводила она и с учительством. Вот как в письме к Н. А. Рыбникову от 12 декабря 1941 года она характеризует свой рабочий день:

«Читаю лекцию по методике, увлекаюсь, рассказываю студентам о наших музеях, о Ясной Поляне, о Толстом, которого я видела девочкой¹¹⁴. Потом читаю по фольклору. В аудитории люди из всех краев. Я заставляю несколько человек рассказать об исполнении частушек, как где поют и пляшут. И мы путешествуем: Мурманск, Донская область, Рязанский и Смоленский край, Алтай, Свердловская область.

К двум часам я кончаю. За мной приехала учительница, и я еду к словесникам-железнодорожникам на их конференцию. В трамвае давка, попасть трудно. Однако доехала. Меня ждут. Сперва кормят обедом, правда, немудреным, но все-таки еда. Потом занимаемся. Дсмой я попадаю часам к 6—7»¹¹⁵.

Широко разворачивается в Свердловске научная и общественная работа М. А. Рыбниковой. Она продолжает трудиться над созданием курса методики и с этой целью подготавливает серию экспериментальных уроков по программе восьмых классов. Эти уроки широко посещаются учителями и студентами. В институте она организует вечера памяти Лермонтова, Короленко, привлекая к подготовке к ним, наряду с местными преподавателями и студентами, эвакуированных московских профессоров и проживавшую в то время в Свердловске дочь В. Г. Короленко — Софью Владимировну. Как и в прежние годы, квартира М. А. Рыбниковой на время подготовки вечера и приуроченной к нему выставки превращалась в мастерскую: здесь подбираются цитаты и иллюстрации, вычерчиваются таблицы и схемы, рисуются плакаты и т. д.

«Работа научная и педагогическая сложилась почти нормально, — пишет М. А. Рыбникова в одном из писем к брату. — Веду работу по школьно-вузовской и фольклорно-живописной линиям. С Короленко выступали недавно в школе имени Короленко, где до сих пор о нем ничего не знали, даже портрета писателя не было. А тут вдруг и дочь Влад. Галакт. в собственном виде, и выставка, и портреты, и таблицы, и статьи, и доклады, и

чтение произведений. Ух, и хлопали нам — и долго и громко! Ребята пережили настоящий праздник.

Недавно дала три трехчасовых урока в VIII классе по «Евгению Онегину», сейчас готовлю такую же порцию в IX классе по «Войне и миру». Учатся и учителя и ученики. Нравятся тщательные разборы этих уроков, словесники и студенты повторяют их. Я буду писать на их основе второй том методики (литература в старших классах)».

Но и этим не ограничивалась работа М. А. Рыбниковой. Талантливый живописец и график, она продолжала начатую еще в Москве работу по иллюстрированию «Слова о полку Игореве». Серию картин к «Слову» она использует на открытом уроке. Готовит она также к изданию сборник былин со своими иллюстрациями. Выставка ее графических работ, организованная в Свердловске, была горячо встречена общественностью города.

Не остался без применения и великолепный дар М. А. Рыбниковой как рассказчицы. В военных госпиталях она выступает не только в качестве лектора, но и как сказительница народных сказок. Не упускает она возможности записать из уст воина интересную сказку.

26 апреля М. А. Рыбникова тяжело заболела. Учителя и студенты с трогательным вниманием отнеслись к своей руководительнице. У ее постели было установлено круглосуточное дежурство. Однако болезнь (менингит) прогрессировала, и после пяти недель тяжелых страданий М. А. Рыбникова умерла 3 июня 1942 года.

Педагогическая общественность Свердловска с глубокой скорбью проводила ее в последний путь.

12

М. А. Рыбникова прошла сложный путь педагога и методиста. На этом пути она не раз оступалась, совершала ошибки. Но, мужественно преодолевая их, она упорно шла к созданию подлинно научной методики преподавания литературы. Плодотворность исканий Рыбниковой была облегчена некоторыми особенностями ее методического стиля, сформировавшегося уже в самом на-

чале ее деятельности и год от года укреплявшегося и совершенствовавшегося. Некоторые черты этого стиля мы и попытаемся охарактеризовать в заключительной части настоящего очерка.

Для всего творческого пути М. А. Рыбниковой была характерна тесная связь теории с практикой, с жизнью. На протяжении всей своей деятельности она ни на один день не порывала со школой. Будучи сотрудником научно-исследовательских учреждений, став впоследствии профессором, она продолжала оставаться учительницей. От школьной практики она шла в своих научных обобщениях, на уроках в школе проверяла свои методические идеи. Недаром основу ее капитальной работы «Очерки по методике литературного чтения» составляют экспериментальные уроки, которые она давала в одной из московских школ. Примером всей своей жизни М. А. Рыбникова показывает, что нельзя творчески развивать методическую науку, не опираясь на школу, не изучая передового опыта учителей и не проверяя своих работ на практике в школе.

М. А. Рыбникова была не только методистом, но и крупным литературоведом, специалистом в области устного народного творчества, поэтики и стилистики. Но и свои исследования в области литературной науки она тесно связывала с практикой работы в школе. Ее книги, посвященные вопросам композиции и художественного языка, выросли из занятий с учащимися. С другой стороны, в свою работу с учениками она умело переносила приемы научного исследования, приучая подростков и юношей самостоятельно анализировать художественный текст.

Литературоведческие работы Рыбниковой были близки преподавателям-словесникам и быстро становились достоянием школы. Опыт М. А. Рыбниковой убедительно свидетельствует, что творческая работа в области методики и практического преподавания литературы требует не только превосходного знания литературы, но и умения исследовательски подходить к литературным явлениям, самостоятельно анализировать их.

Для методического стиля М. А. Рыбниковой характерно, что она никогда не ограничивалась рамками клас-

са, учебного расписания. Рыбникова — педагог-организатор, массовик. В Малаховской школе она совмещала преподавание литературы с руководством ученическим интернатом. В подготовку литературных выставок и вечеров, в собирание фольклора, в изучение читательских интересов, в многочисленные организованные ею экспедиции и экскурсии она неизменно вовлекала ученическую массу. При этом в пределах большого коллектива каждый его участник или группа участников получали задание, соответствующее их склонностям и интересам. Таким же талантливым организатором проявила себя Рыбникова и в работе с учителями. Для всего поведения методистки характерен ярко выраженный демократизм. Она никогда не чуждалась черновой работы и была образцом трудолюбия и работоспособности. Выдвигнув в начале своей педагогической деятельности принцип трудового обучения, Рыбникова учила своих питомцев активно овладевать умениями самостоятельно работать, настойчиво преодолевать трудности, возникающие в процессе учения. Тесная связь с ученическим коллективом, постоянная проверка своей работы в общении с учениками помогали ей находить правильные пути в преподавании. Опыт работы М. А. Рыбниковой как организатора педагогического процесса может служить примером для современного учителя.

Принцип единства образования и воспитания являлся незыблемым для М. А. Рыбниковой. На протяжении времени менялись ее взгляды на содержание и пути воспитания молодежи, но оставалась неизменной воспитательная целеустремленность ее работы. Перед каждым уроком, каждым внеклассным мероприятием Рыбникова ставила определенную образовательно-воспитательную задачу. Сторонница многообразия методов, она рассматривала каждый метод и методический прием в их обусловленности содержанием обучения, в их воспитательной функции. Придавая большое значение овладению навыками устной и письменной речи, она подчеркивала роль навыков в формировании культурного облика молодого человека. «Воспитывает и тематика и система работы», — утверждала методистка. Можно учиться у М. А. Рыбниковой ее умению подчинять все стороны, все

детали учебной работы целям научного образования и коммунистического воспитания учащихся.

М. А. Рыбниковой на протяжении всей ее педагогической деятельности было присуще взыскательное отношение к себе, неудовлетворенность сделанным, дух искания. Она редко расставалась с однажды избранными исследовательскими темами, с излюбленными методическими идеями, с накопленными материалами и наблюдениями. В позднейших, зрелых работах методистки мы нередко находим мысли, примеры, даже формулировки, встречавшиеся в ее ранних статьях и книгах. Но почти никогда она не прибегала к простому повторению ранее сказанного. На каждой новой ступени своего методического пути М. А. Рыбникова вновь пересматривала накопленный ею арсенал идей и наблюдений, переоценивала их в свете новых педагогических задач, новых, более совершенных методических принципов. Она редко бывала довольна своими старыми книгами и всегда стремилась переработать их. Критически относилась она и к своей первой методической книге «Работа словесника в школе» и к превосходной «Книге о языке». М. А. Рыбникова неустанно обдумывала планы новых работ. Из рассыпанных по ее статьям и книгам упоминаний видно, что она предполагала составить «Словарь пушкинского языка», написать исследование «В кругу поэм», завершить работу над книгами о письменных работах, о кабинете русского языка и — совместно с Л. Е. Случевской — о внеклассной работе по литературе, создать методические пособия для начальной школы и старших классов. Все эти замыслы, не осуществленные в целом, получили частичное воплощение в опубликованных работах методистки.

Неукротимый дух исканий в сочетании с глубоким пониманием воспитательных задач школы, с превосходными знаниями литературы, с исключительной педагогической одаренностью и способствовали формированию такого выдающегося методиста-словесника, как М. А. Рыбникова.¹¹⁶

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См. «Личное дело М. А. Рыбниковой» в Архиве Академии педагогических наук РСФСР, ф. 13, оп. 1, ед. хран. 24.
- 2 В настоящем очерке мы пользуемся материалами рукописной биографии М. А. Рыбниковой, написанной ее братом профессором Николаем Александровичем Рыбниковым.
- 3 См. М. А. Рыбникова. Горбовская хроника. По архиву семьи Шукиных, М., 1919.
- 4 Цитируется по «Биографии М. А. Рыбниковой», составленной проф. Н. А. Рыбниковым.
- 5 Архив АПН, ф. 13, оп. 1, ед. хран. 24.
- 6 Цитируется по «Биографии М. А. Рыбниковой», составленной проф. Н. А. Рыбниковым.
- 7 См. Первые ласточки. Журнал гимназисток-восьмиклассниц. С предисловием Н. А. Рыбникова и со статьей М. А. Рыбниковой «История одного провинциального кружка», М., 1917, стр. 55. Ср. также статьи М. Рыбниковой «Темы для внеклассных бесед с кончающими курс средней школы», «Вестник воспитания», 1914, № 6 и «Опыт гимназических собраний в г. Вязьме», «Психология и дети», 1917, № 2.
- 8 См. «На распутьи». Сборник статей о выборе профессии. Под редакцией М. А. и Н. А. Рыбниковых, М., 1917.
- 9 Характеристику этих бесед см. в нашей работе «Из истории преподавания литературы в русской школе (1818—1855)», «Ученые записки Куйбышевского педагогического института», выпуск 9, 1948, стр. 115—122.
- 10 Реферат этого доклада см. в книжке «Первый Всероссийский съезд преподавателей русского языка средней школы в Москве. 27 декабря 1916 г. — 4 января 1917 г.», М., 1917, стр. 41. Ср. также статью А. Артюшкова «Первый Всероссийский съезд словесников в Москве в 1916—1917 гг.», «Родной язык в школе», 1927, сборник пятый.
- 11 См. М. Рыбникова. Опыт школьной инсценировки народных игр, песен и обычаев, «Вестник воспитания», 1917, № 3.
- 12 М. Рыбникова. Эстетическое восприятие природы учащимися, «Вестник воспитания», 1917, № 8—9, стр. 56.
- 13 М. А. Рыбникова. Кружки учащихся, М., 1918, стр. 6.
- 14 М. Рыбникова. Учитель средней школы. См. «На распутьи», стр. 134.
- 15 М. А. Рыбникова. Работа словесника в школе, ГИЗ, 1922, стр. 14.
- 16 Цитируется по «Биографии М. А. Рыбниковой», составленной проф. Н. А. Рыбниковым. Ср. также воспоминания С. А. Смирнова в журн. «Литература в школе», 1958, № 2, стр. 80—82.

17 Архив АПН, ф. 13, оп. 1, ед. хран. 24.

18 Так, на конференции, организованной научно-методической секцией МОНО в конце 1920 года, М. А. Рыбникова выступила с докладом «Приемы изучения языка на II ступени» («Родной язык в школе», 1923, № I (2), стр. 78—80), на Петроградском съезде преподавателей русского языка и литературы в сентябре 1921 года — с докладами об изучении языка и о литературных выставках («Родной язык в школе», 1923, № 1 (2), стр. 89), на заседании Постоянной комиссии московских словесников 29 сентября 1922 года она сделала доклад «Из уроков по родной литературе» («Родной язык в школе», 1923, № II (3), стр. 77) и др.

19 Ср. Изучение родного языка. Заметки и задачи, выпуск I, ГИЗ, 1921; Работа словесника в школе, ГИЗ, М.—Л., 1922; А. Блок-Гамлет, изд. «Светлана», М., 1923; По вопросам композиции, изд. т-ва «В. В. Думнов, насл. бр. Салаевых», М., 1924.

20 М. А. Рыбникова. Работа словесника в школе, стр. 15.

21 М. Гершензон. Видение поэта, М., 1919, стр. 3, 16, 18.

22 Там же, стр. 42, 49. Статья «Поэзия в школе» была опубликована в сборнике, названном по первой его статье, — «Видение поэта».

23 П. Смирнов. Работа над художественным произведением. Логический и интуитивный моменты, «Вестник воспитания», 1917, № 1, стр. 141, 144, 146, 150.

24 Андрей Сиротинин. Два типа учителей. Из записной книжки учителя, «Вестник воспитания», 1917, № 8—9, стр. 64.

25 М. Григорьев. О литературном образовании, «Родной язык в школе», 1923, № I (2), стр. 63, 66, 68.

26 М. А. Рыбникова. Работа словесника в школе, стр. 1—11.

27 С. А. Странички наблюдений, «Родной язык в школе», 1919, книга 1, стр. 102.

28 См. «Игра». Непериодическое издание, посвященное воспитанию посредством игры, 1918, № 1, стр. 3.

29 Ан. Глебов. К вопросу о детском театре, «Вестник народного просвещения союза коммун Северной области», 1918, № 4 и 5.

30 Статья «Народная свадьба на школьной сцене» входит в состав книги М. А. Рыбниковой «Работа словесника в школе» Ранее под другим заглавием была опубликована в «Вестнике воспитания», 1917, № 3. Драма «Максимилиан» была опубликована отдельным изданием в 1925 году.

31 М. А. Рыбникова. Работа словесника в школе, стр. 22.

32 Там же, стр. 30.

33 Там же, стр. 11. Ср. также свидетельство В. Габо в его рецензии на книгу «Работа словесника в школе», «Родной язык в школе», 1923, № II (3), стр. 155.

34 Статья «Приемы изучения языка» опубликована помимо книги «Работа словесника в школе» в педагогическом сборнике «Просвещение», Госиздат, П., 1922.

35 См. «Биографию М. А. Рыбниковой», составленную проф. Н. А. Рыбниковым.

36 М. А. Рыбникова. Изучение родного языка, стр. 4.

37 Там же, 21.

38 М. А. Рыбникова. Блок—Гамлет, М., 1923, стр. 53.

³⁹ М. Рыбникова. Книга о языке. Очерки по изучению русского языка и стилистические упражнения, изд. 2-е, М., «Работник просвещения», 1925. Следующее, 3-е издание (1-м изданием считается книга «Изучение родного языка») вышло в 1926 году.

⁴⁰ М. А. Рыбникова. По вопросам композиции, М., 1924. Статья «**Рассказчик у Тургенева**» под другим заглавием напечатана также в сборн. «Творческий путь Тургенева», под ред. Н. Л. Бродского, П., 1923.

⁴¹ См. А. Липовский. «Педагогическая мысль», 1923, № 1, стр. 71—72; А. С. «Просвещение Донбасса», 1923, № 3, стр. 105; К. С. «К новой школе», 1923, № 3, стр. 9—95; В. С. Габо. «Книга и революция», 1923, № 2 (26), стр. 30—31; Он же, «Родной язык в школе», 1923, № II (3), стр. 155.

⁴² Д. Ушаков. «Родной язык в школе», 1923, № I (2), стр. 170. См. также Н. Державин. Сборн. «Просвещение», 1922 (№ 2), стр. 218—220; А. Вонсович. «Народное просвещение», 1922, № 5—6, стр. 116—117; В. С. Габо. «Книга и просвещение», 1923, № 2 (26), стр. 29—30; Г.У.С. «Просвещение», 1923 (№3), стр. 276; А. 3-й «Пути просвещения», 1923, № 5, стр. 196—200.

⁴³ Р. Шор. М. А. Рыбникова, Книга о языке, изд. 3-е, 1926, «Родной язык в школе», 1927, сборник второй, стр. 329.

⁴⁴ См. «Родной язык в школе», 1925, сборник восьмой.

⁴⁵ См. статьи М. Григорьева «В защиту преподавания литературы» и Леонида Богоявленского «Литература в новой роли» в «Родном языке в советской школе», 1925, сборник седьмой.

⁴⁶ П. Мощанский. Литературные занятия в школе второй ступени при комплексной системе преподавания (из практики Тульской опытно-показательной школы), «Родной язык в школе», 1925, сборник седьмой, стр. 118, 119.

⁴⁷ Цитируется по «Биографии М. А. Рыбниковой», составленной проф. Н. А. Рыбниковым.

⁴⁸ См. «Родной язык в школе», 1925, сборник восьмой, стр. 120; сборник девятый, стр. 181; 1926, сборник одиннадцатый—двенадцатый, стр. 97, 118.

⁴⁹ Витман, Покровская, Эттингер. Восемь лет русской художественной литературы (1917—1925), под редакцией М. А. Рыбниковой, М.—Л., 1926.

⁵⁰ См. Л. Ефремова. Работа литературно-методического семинария при Московском педтехникуме имени Профинтерна в 1925/26 уч. году, «Родной язык в школе», 1926, сборник одиннадцатый—двенадцатый.

⁵¹ Ник. Поздняков. Выставка по современной литературе, «Родной язык в школе», 1925, сборник девятый, стр. 170 и 172. См. также статью самой М. А. Рыбниковой «Выставка работ по современной литературе», «Красная нива», 1925, № 26.

⁵² М. А. Рыбникова. Голос словесника, сборн. «Теория и практика словесника. Литература и язык в школе II ступени в связи с программами ГУСа». Под редакцией М. А. Рыбниковой, М., 1924, стр. 46, 52, 53, 56, 57, 59, 62, 63, 66, 74.

⁵³ М. А. Рыбникова. Современная и классическая литература в школе, М., 1927, стр. 77.

⁵⁴ См. заметку «В процессе работы над новыми программами по литературе (Комиссия по слову и театру при Научно-педагогиче-

ской секции ГУСа)», «Родной язык в школе», 1926, сборник одиннадцатый-двенадцатый, стр. 106.

55 См. Н. Крулская. К вопросу о преподавании литературы во II ступени, «На путях к новой школе», 1926, № 12.

56 М. Рыбникова. Современная литература в новых программах ГУСа. «Родной язык в школе», 1927, сборник второй, стр. 100, 101.

57 Часть «Вопросника по литературе 19 и 20 вв.» первоначально появилась в «Родном языке в школе», 1926, сборник десятый. Обещанное продолжение вопросника не печаталось в журнале.

58 М. А. Рыбникова. Работа словесника в школе, стр. 3.

59 М. А. Рыбникова. Русская литература в вопросах, темах и заданиях, третье издание, М., 1928, стр. 74, 15, 54.

60 В. В. Голубков и М. А. Рыбникова. Изучение литературы в школе II ступени. Методическое пособие для преподавателя, издание третье, исправленное и дополненное, М., 1930, стр. 21, 22, 28, 30, 4 — 1.

61 М. Рыбникова. Островский в школе, «Родной язык в школе», 1927, сборник четвертый, стр. 108, 109, 114, 115, 118.

62 Упоминание об этой книге см. в примечании к статье «Культура сбраса», «Русский язык в советской школе», 1929, № 5, стр. 57. Ср. также цитируемое дальше письмо М. А. Рыбниковой к А. М.

63 «Родной язык и литература в трудовой школе», 1928, № 1, стр. 66 и 73.

64 Ср. М. Рыбникова. Об искажении и огрубении речи учащихся, «Родной язык в школе», 1927, сборник первый.

65 Детскому жаргону и борьбе с ним в те годы были посвящены статьи М. Обухова («Просвещение на транспорте», 1925, № 1—8); В. С-кого («Вестник просвещения», Оренбург, 1926, № 2); Г. Виноградова («Сибирская живая старина», 1926, вып. II); В. Капорского («Вестник просвещения», 1927, № 1); Е. Луповой («Труды Вятского научно-исследовательского института краеведения», 1927, т. III).

66 См. М. Рыбникова. Бывшие школьники о школьных сочинениях. «Родной язык в школе», 1927, сборник шестой.

67 М. А. Рыбникова. Как надо писать, М., 1928.

68 Отклики на статью М. Пистрака «Три противоречия», «Русский язык в советской школе», 1929, № 6, стр. 155. Статья М. Пистрака была опубликована в № 4 за тот же год. Ср. также рецензию М. А. Рыбниковой на сборн. «Вопросы языка и стиля в V и VI группах II ступени». Под редакцией Е. И. Досычевой, «Русский язык в советской школе», 1930, № 2, стр. 214.

69 Эти статьи опубликованы в журналах «Русский язык в советской школе», 1929, № 2, 1930, № 1 и 5; «Искусство и дети», 1930, № 8—9; «Русский язык и литература в средней школе», 1934, № 3.

70 М. Рыбникова. Язык и литература в системе политехнического воспитания, «Русский язык в советской школе», 1930, № 6, стр. 45, 46, 47, 48, 52, 53, 54.

71 М. Рыбникова. Метод проектов, «Русский язык в советской школе», 1931, № 2—3, стр. 89, 91, 92.

72 К тому же времени относится статья о М. А. Рыбниковой автора данного очерка («Литература и язык в политехнической школе», 1932, № 1). Следует отметить, что эта статья, в основном правильно

критиковавшая методологические и методические ошибки М. А. Рыбниковой, игнорировала положительные стороны работы методики, ее достижения как преподавателя-словесника, и потому была односторонней.

⁷³ Архив А. М. Горького, шифр КГ-уч-9-46-1.

⁷⁴ М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах, т. 30, стр. 175.

⁷⁵ Ср. «Родной язык и литература в трудовой школе», 1928, № 1, стр. 157.

⁷⁶ М. А. Рыбникова. Методика преподавания литературы, М., 1930, стр. 5, 7, 29, 46, 54, 55, 58, 85.

⁷⁷ Литература в ШКМ. Рабочая книга по литературе и развитию речи, М.—Л., 1931. Для первой группы ШКМ. составлена М. А. Рыбниковой и А. А. Липаевым, для второй и третьей групп—Г. К. Бочаровым, А. А. Липаевым и М. А. Рыбниковой.

⁷⁸ М. А. Рыбникова. Опыт методической оценки слагаемых рабочей книги по литературе, «Русский язык в советской школе», 1929, № 6.

⁷⁹ См. «Русский язык и литература в средней школе», 1934, № 1-2.

⁸⁰ См. проф. М. Рыбникова. Рассказы Л. Н. Толстого для детей, «Начальная школа», 1937, № 2, стр. 39. Другие статьи этого цикла напечатаны в журналах «Детская и юношеская литература», 1934, № 8, 9, 10; «Народный учитель», 1935, № 5; «Начальная школа», 1936, № 9 и 10; 1937, № 1, 2, 4, 12.

⁸¹ М. А. Рыбникова и Л. Е. Случевская. Избятная поэзия в загадках (Поэтика на экскурсии), «Русский язык в советской школе», 1929, № 2—3; М. Рыбникова и Л. Случевская. Литературные игры, «Красный библиотекарь», 1931, № 3. Ср. также статью М. А. Рыбниковой «Детский фольклор и детская литература», «Литературный критик», 1935, № 1.

⁸² М. А. Рыбникова. Загадки, М.—Л., 1932, стр. 17, 22, 37, 54.

⁸³ М. А. Рыбникова. Введение в стилистику, М., 1937, стр. 8, 11.

⁸⁴ «Личное дело М. А. Рыбниковой» в Архиве АПН, ф. 13, оп. 1, ед. хран. 24.

⁸⁵ Из личного архива автора настоящей работы.

⁸⁶ См. «Литература в школе», 1939, № 4 и 5; 1940, № 3 и 4. «Русский язык в школе», 1939, № 4, 5 и 6. «Литературное чтение в V—VII классах», М., 1938. Сбор. «Из опыта работы учителей», Минск, 1940.

⁸⁷ М. А. Рыбникова, Очерки по методике литературного чтения, М., 1941, стр. 9 и 5.

⁸⁸ Там же, стр. 8 и 4.

⁸⁹ Там же, стр. 6 и 9.

⁹⁰ Там же, стр. 35.

⁹¹ Там же, стр. 40, 41 и 6.

⁹² Там же, стр. 5.

⁹³ Там же, стр. 13 и 38.

⁹⁴ Там же, стр. 112 и 55.

⁹⁵ Там же, стр. 7.

⁹⁶ Там же, стр. 170 и 36.

⁹⁷ Там же, стр. 35.

⁹⁸ Там же, стр. 26, 27, 28, 29.

⁹⁹ Там же, стр. 20 и 21.

¹⁰⁰ Там же, стр. 11.

101. Там же, стр. 170, 178.
102. Там же, стр. 183.
103. Там же, стр. 220.
104. Там же, стр. 156, 167.
105. Там же, стр. 148—154.
106. Из личного архива автора настоящей работы.
107. К этому вопросу М. А. Рыбникова не раз возвращалась в своей переписке с В. И. Анисимовым.
108. См. «Материалы к совещаниям учителей неполной средней и средней школы», М., 1938. Сост. М. А. Рыбникова, А. К. Казанская и др.
109. «Русский язык в школе», 1940, № 4.
110. См. «Фольклор Карело-Финской ССР», вып. I, Петрозаводск, 1941.
111. См. «Творчество Маяковского», изд. АН СССР, М., 1952.
112. М. А. Рыбникова. Герои и события в произведении, «Литература в школе», 1940, № 5, стр. 45—49.
113. М. А. Рыбникова. Письменные работы по литературе в старших классах, «Литература в школе», 1941, № 3, стр. 31.
114. См. об этом в статье М. А. Рыбниковой «Толстой до толстовского музея», «Памяти П. Н. Сакулина», Сборн. статей, М., 1931.
115. Цитируется по «Биографии М. А. Рыбниковой», составленной проф. Н. А. Рыбниковым.
116. «Избранные труды» М. А. Рыбниковой с обстоятельной вступительной статьей Н. И. Кудряшева изданы Академией педагогических наук РСФСР в 1958 году.

Яков Аронович Роткович
ВЫДАЮЩАЯСЯ СОВЕТСКАЯ МЕТОДИСТКА
М. А. РЫБНИКОВА.

*

Редактор В. А. Бочкарев
Технический редактор А. И. Щербаков
Корректор А. А. Ярошевская

*

Сдано в набор 20/XI-1958 г. Подписано
к печати 27-I-1959 г. ЕО00507. Тираж 500 экз
Формат бумаги 54×84¹/₁₆. Физ. печ. л. 5.
Бесплатно.

*

Типография изд-ва «Волжская коммуна»
г. Куйбышев, Молодогвардейская, 59.
Заказ № 6633.